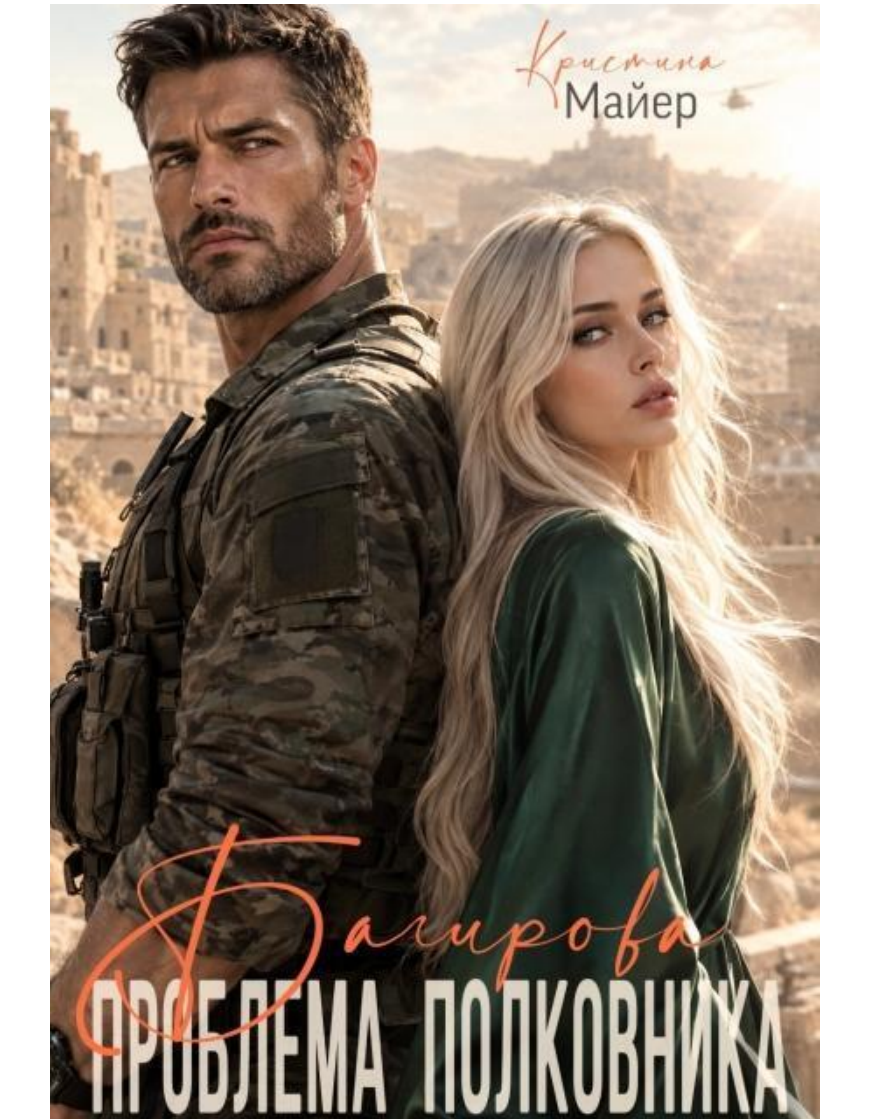

The book cover features a man and a woman in a desert setting. The man, on the left, is wearing a military camouflage uniform and has a serious expression. The woman, on the right, has long blonde hair and is wearing a green dress, looking over her shoulder. The background shows a desert town with a large stone building under a bright, hazy sky.

Кристина
Майер

Дасирова
ПРОБЛЕМА ПОЛКОВНИКА

Кристина Майер

Проблема полковника Багирова

<https://litres.ru/74694787>

Аннотация

- Моя задача вытащить тебя из плена! Зачем тебе сдалась эта баба?! – цежу тихо сквозь зубы, хотя хочется наорать на тупого генеральского сына. - Я не баба, - звучит на чистом русском из-под паранджи. Сказать, что я удивлен – ничего не сказать. – Выбирайте выражения, полковник Багиров, - прилетает раньше, чем я успеваю открыть рот и выговорить на могучем русском все, что думаю об этом дуэте. Этот дерзкий голос натягивает все нервные волокна до предела. - Я ей ничего не говорил, - поднимает вверх руки Каручаев. – Она тебя узнала. «Узнала?» - готов сдернуть с нее этот черный балахон. - Кто. Ты. Такая? – мой нордический темперамент готов дать трещину. - Сейчас важно не то, кто я такая, а как нам всем выбраться отсюда живыми, - полтора метра недоразумения смеет меня отчитывать...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	52
Глава 12	56
Глава 13	61
Глава 14	65
Глава 15	70
Глава 16	74
Глава 17	78
Глава 18	82
Глава 19	86
Глава 20	90
Глава 21	94
Глава 22	98

Глава 23	103
Глава 24	108
Глава 25	112
Глава 26	116
Глава 27	120
Глава 28	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Пролог

Север

Передо мной сидел штабной полковник ФСБ Востров, именно он просил о встрече час назад, сказав, что дело срочное. Последнее время такие просьбы от штабников напрягали, но не согласиться – усугубить и так шаткое положение всей моей команды.

Встречу назначили в забытой богом забегаловке, где не брезговать можно было только водкой, которую мы разлили и, не закусывая, выпили. Из персонала – только бармен и его жена на кухне. Подслушать нас некому.

Тема разговора – генерал Каручаев. Вот тут ожидаемо. Никак, падла, до последнего не успокаивался. Всеми правдами и неправдами пытался сделать крайними мою группу в провале последней операции. Но жизнь – бумеранг. Нужно об этом не забывать. Не делай дерьма, оно может вернуться сторицей.

Так и Каручаев не ждал, что через три недели ему, падле, придется склонить голову передо мной и просить о помощи. Но, сука, даже в этой ситуации действует чужими руками! Встретаться лично с бывшим другом отца я, возможно, и отказался бы. Скорее всего, понимал это и Каручаев, поэтому и прислал переговорщика. Готов пойти на любые условия, чтобы я вытащил его сына из огромной задницы, именуемой

— плен.

Не вытянул генеральский сосунок офицерских погон, на которые отец так лихо клепал звезды. За два с половиной года от младшего лейтехи до майора и приказ на присвоение внеочередного звания. В двадцать пять лет... твою дивизию! В нашей стране каких только чудес не случается. А чтобы это дело красиво обставить, отправил лошарика в горячую точку — пусть в тылу воюет, пока другие на передке гибнут. Но этот утырок, не нюхавший порошу, умудрился вые@нуться, послушаться отцовского приказа и попасть в плен.

Крутя граненый пустой стакан в руке, раздумывал, как поступить...

На одной чаше весов моя гордость и желание плюнуть Каручаеву в морду, на другой — команда, где каждый не просто солдат, а мой близкий друг. Нет моим ребятам места на гражданке. Они воины! Спецы! Они привыкли выполнять самые сложные боевые задания и возвращаться с победой! Похерить им карьеру из-за своей гордости?

— Север, проси все что хочешь, — подталкивает к нужному ему решению Востров. Каручаев что-то пообещал полкану за мой положительный ответ. Смело Востров торгуется, ну, это и понятно, ставки высоки. Отчаялся совсем Каручай, раз пошел на такую сделку со мной. — Север, ты же понимаешь...

Север — мой позывной, потому что родом из Надыма. И темперамент под стать прозвищу.

— Только ты можешь пробраться в лагерь шахидов, — кладет передо мной фотографии. Одно лицо с нескольких ракурсов. — Мы операцию разрабатываем под тебя. С ним вы почти на одно лицо, — кивает на снимки. На них американский инструктор, курирующий деятельность террористической организации.

— Я бы не сказал, что мы с ним на одно лицо, — внимательно рассматривая снимки.

— Ты же английским в совершенстве владеешь, организуем подмену, — будто не слыша моего замечания. Пригорают у них в одном месте, это и понятно. Если шахиды узнают, чей он сын, запись его казни облетит весь мир. — Твои прикроют отход, когда вытащишь Юрия...

— Прикроют... — протянул лениво я, не отнимая взгляда от стакана. — Так они вроде под следствием.

Надуманное следствие. Есть у меня подозрения, что за всей той подставой стоит Каручай. Месяц назад мы должны были прикрыть переброску войск и техники. Высадиться в определенном квадрате и зачистить территорию от опорных пунктов боевиков.

— Замнем дело, — быстро и тихо отвечает.

«На других вину переложите. Знаем, проходили!» — мысленно хмыкнул.

Мы до точки добраться не успели, когда начался обстрел из артиллерии. Потеряли почти всю технику и больше половины ребят. Действовать пришлось не по плану. Мы и пред-

ставить не могли, что без нашей отмашки отдадут приказ о переброске. Все, кто честно смотрит на эту ситуацию, признают, что благодаря нашей слаженной работе удалось спасти часть личного состава, но кто-то ведь должен ответить за провал. Моя кандидатура давно раздражала Каручаева, вот и вцепился он в эту ситуацию бульдожьей хваткой, чтобы убрать меня из спецназа. А ведь пока был жив отец, эта крыса к нам в дом захаживала, улыбалась мне и брату. Хвалил нас перед отцом, говорил, что он может нами гордиться. Называл отца другом, а на деле завидовал.

Наш батя не был кабинетной крысой. Уважаемый боевой генерал, на счету которого более ста секретных операций. Его грудь была увешана настоящими наградами. Он и погиб в бою, как мужик, как военный, как патриот своей Родины. А на его место Каручая поставили, бывшего друга, который все это время сидел и перебирал в штабе бумажки. Сволочь завистливая!

Мои успехи и успехи моего брата не давали покоя Каручаю. В двадцать два я был дерзким и безбашенным, сразу после российского университета спецназа попал в элитное подразделение. Хотел, чтобы батя мной гордился, чтобы наша фамилия продолжала звучать. Свое звание полковника я получил заслуженно, не было ни одной военной точки, где не было меня или моих ребят. Свои погоны заработал кровью и потом. У меня и брат такой же. Прикрывай его задницу, не прикрывай – рвется в самое пекло. Чтобы вечно за Яра не

переживать, нашел его ребятам работу на гражданке. Здесь тоже кому-то нужно воевать.

— Ну, что скажешь, Север? — нервничает Востров. Торопит с ответом.

Иметь в должниках эту суку... заманчиво. С нас снимут все обвинения, чтобы ребята могли вернуться в строй. Закроют дело, потому что нет в наших действиях состава преступления.

Сынок его скорее рано, чем поздно, займет кресло в штабе и будет вечным моим должником. А мне это надо? Решил вроде добить контракт и уйти в бизнес, есть наработки, есть деньги. Уже сейчас планировал открыть, оформив все на мать.

С другой стороны – не хочу сидеть в кресле и обрастать жиром.

— Ответ получишь завтра, — наливаю полстакана, пью залпом, не поморщившись. Встаю и выхожу на свежий воздух.

Глава 1

Север

Твою... дивизию! Голова кружилась, хорошо к ней приложились. Все тело болело, словно в мясорубку попал. Так оно и попало вчера под жесткий прессинг, хорошо – сразу не расстреляли. Любой план хорош только на бумаге. У Каручаева припекало, он готов был меня в первый день, как я согласился, отправить к шахидам. Такие операции за неделю не готовят. И даже за месяц. Хотя порой экспромт дает лучшие результаты, чем тщательно подготовленная операция.

Кровь на лице засохла и стянула кожу. Умыться бы, но в комнате, где меня заперли, ни капли воды, стояло лишь ведро в углу, чтобы справить нужду. Ругаясь матом на чистом английском, стал тарабанить в дверь. В университете спецназа нас этому не учили, сквернословию меня обучал один товарищ, которого завербовать получилось еще в начале двухтысячных. Потолок упирался мне в макушку, что заставляло постоянно сгибать шею.

— Я требую позвать Абу Вахиба, — прокричал имя командира. По нашим данным, он лично встречался несколько раз с Майклом и мог его узнать. Также для нас не было секретом, что вчера Абу Вахиб отправился со своими людьми в соседнюю провинцию. Мои ребята должны были встретить колонну. Командир боевиков не должен вернуться на базу.

Иначе ни меня, ни Юрку Каручаева никто не спасет. Надеюсь, ребятам удалось убрать Абу.

Не думал, что дверь откроют. Изображать американца сложно не из-за языка, а из-за манеры поведения. У нас с ним разный темперамент. По тем коротким записям с камер наблюдения, что нам предоставили, мало что было понятно. Тут полный экспромт. Опираюсь на стену и скрещиваю на груди руки.

В дверях стоял мужик во всем черном, с балаклавой на голове. Командир. Обычно они прячут лица. Позвоночника коснулся холодок.

— Ты кто? — дерзко спросил на английском. — Я требую позвать Абу Вахиба!

Стоит, рассматривает меня внимательно черными, как ночь, глазами. По глазам многое можно сказать о человеке, необязательно видеть его лицо. Передо мной стоит опасный противник. Зверь в шкуре человека. Как и я, он оценивает меня.

— Абу Вахиб мертв, Майкл, — тянет он, при этом внимательно наблюдает за моей реакцией. С английским у него не очень, но понять можно.

— Как мертв? — повышаю голос, очень правдоподобно изображаю негодование. — Вы понимаете, что это значит для нас всех?

— Понимаю, Майкл, — стягивает с лица маску. Быстро в голове перебираю фотографии, которые изучал последние

дни, стараясь запомнить всех командиров и замов. Абу Али — один из приближенных Абу Вахиба. Предположительно, виделся с Майклом, но точной информации у нас не было.

— Мне нужно связаться со своим руководством, — играю желваками, когда произношу эту фразу.

— Связывайся, — достает мой телефон и протягивает трубку. Всю ночь пробивали номера, удостоверились, что все они «настоящие». — Извини, что вчера так получилось, — разводит руки, ни капли сожаления во взгляде. Шакалы! Доставляет удовольствие мучить людей, даже если это хозяйева, которые их прикармливают.

Набираю номер, по которому обязательно ответят на английском.

— Абу Вахиб мертв, — бросаю холодно. Телефон наверняка на прослушке.

— Доложу наверх, — так же холодно. На том конце отбивают звонок.

— Майкл, прежде чем строить дальнейшие планы о нашем сотрудничестве, предлагаю умыться и пообедать, — включает гостеприимного хозяина. Не исчезает ощущение, что я хожу по тонкой струне, которая в любой момент может лопнуть подо мной. Кожей чувствую недоверие Абу Али. А ведь благодарен должен быть, засранец, что благодаря моим ребятам стал здесь главным.

— Здесь я буду обедать? — взглядом обвожу презрительно каморку, в которой не могу выпрямиться в полный рост.

— Нет, — усмехается одними губами, взгляд остается холодным. — Идем со мной, — махнув рукой, поправляет автомат на плече. В коридоре стоят еще двое — в обычной военной форме.

— Раньше у вас здесь были деревья, — произношу я, когда мы выходим во двор. Указываю точно на место, где росли деревья. В это время кошусь в сторону пленных, которые привязаны у столбов и жарятся под самым солнцем. Каручаев среди них. Жалости не испытываю, мне сейчас нужно думать о том, как его отсюда вытащить. Несколько пулеметных вышек, проволока по всему периметру забора. Металлические ежи, и наверняка вокруг все заминировано...

— Два из них сломались во время песчаной бури, упав на крыши домов. Остальные мы спилили, — поясняет Абу Али.

До дома мы дойти не успеваем. Взрыв за нашими спинами накрывает нас пылью и песком. Как и предполагал, вокруг все заминировано.

Шахиды уже бросились за ворота выяснять, кто подорвался на mine...

Глава 2

Север

Обходят территорию шахиды вокруг лагеря очень медленно, смотрят, куда ступают. Я тоже смотрю искоса, запоминая приблизительный порядок расстановки мин.

То ли коза попалась, то ли баран, по останкам сразу не определишь. Голову найти не могут. Откуда тут взялось животное? До ближайшей деревни чуть больше километра, мог убежать? Судя по тому, как активно и нервно шахиды переговариваются, такая же мысль пришла и им в голову. Джип выкатили за ворота, собираются ехать в деревню выяснять, у кого баран пропал.

Абу Али щурит подозрительно глаза, кидает в мою сторону косые взгляды. Подожди, Матрос, я вам устрою самодеятельность!

— Американец, не знаешь, откуда здесь мог взяться баран? — подходит ко мне Абу Али. Своего подозрения не скрывает. Позади на изготовку стоят автоматчики.

— Знаю, — не дрогнув. — Пришел, — мой ответ кажется ему достаточно глупым, чтобы начать смеяться. Даже те, кто не понял ни слова, поддержали своего нового командира противным натянутым смехом.

— Выясним, — смех Абу Али резко обрывается. — Идем обедать, — в приказном тоне. Опускаю глаза, потому что

здесь только ленивый не следит за мной. Мой взгляд сейчас очень красноречиво обещает смертельные пытки командиру шахидов.

— Мне надо умыться, — напоминаю Абу Али, когда мы подходим к накрытому столу. Он не забыл, специально хочет усадить меня обедать с грязными руками, подчеркнуть, что все, кроме них — свиньи.

— Да, конечно, — что-то произносит на своем. Умыться можно во дворе. Здесь к столбу прикручен умывальник. Лицо трогать больно. Распухло все, бровь и губа рассечены, удивительно, но нос остался целым. На голове тоже есть рассечения. В зеркало можно не смотреться — и так понятно, что «красавчик».

Возвращаемся на кухню. Пока двигаемся по коридору, обращаю внимание на комнату, в которой они молятся. У стены сложены коврики. Есть классная комната, ее несложно определить по школьной доске. Подростки — мальчишки в основном от шести лет и старше — внимательно слушают инструктора. Внутри всего выворачивает, но сделать ничего не можешь. Будущие смертники, их с детства к этому готовят. Загубленные жизни, сколько их тысяч по всему миру?

Обед более чем скромный. Стол низкий, сидеть приходится на полу, на старых коврах и подстилках. Основное блюдо — вареная крупа с луком и бобами. Распакованные пачки с натовскими сухпайками. Здесь можно взять консервы и добавить в кашу. Чтобы с голоду не умереть, можно поесть, но

даже на мой неприхотливый взгляд еда невкусная.

— Ваше правительство уже несколько месяцев не присылает нам оружие, — произносит Абу, доставая из кармана платок. Платок не первой свежести, неясно, что он им вытирал до этого. Наверное, тоже лицо и руки.

— Именно этот вопрос я планировал обсудить с Шакиром. Пути поставок перекрыты местными войсками и русскими, — тут главное — сделать позлее лицо, у меня это без труда всегда получалось, природа наградила суровой внешностью. А тут меня еще так разукрасили, что и корчить не особо нужно. — Нам нужны новые пути, контролируемые вашими людьми. Чтобы к нам никаких вопросов у мирового сообщества не было. Мы не можем рисковать своей репутацией, — теперь презрительно скривился Абу Али.

— Новых путей нет, — мотает головой.

— Значит, возьмите под контроль старые, — я знаю, что это невозможно, но нужно ведь на чем-то тянуть время.

— Нам нужно оружие! — повышает тон. С трудом разбираю его ломаную речь. — Как его нам доставить, будете решать вы, а не мы, — нервно заявляет Абу Али. Чем тупее человек, тем больше он о себе мнит. Обычно с такими сложно договориться.

— Мое руководство не пойдет на уступки, — как ведут переговоры западные кураторы, я знаю. В «переговорную» входит женщина в никабе, лицо полностью закрыто, не разглядеть цвета глаз. Расставляет чайные приборы, судя по за-

паху, заварили местные травы.

— Вы ей доверяете? — создаю видимость реальных переговоров. Абу Али произносит длинную речь, говорит быстро, нервно, из всего сказанного улавливаю:

— Предателей ждет страшная смерть...

Нельзя смотреть на чужих женщин в мусульманской стране: они бесполое, бестелесное создание. Мой интерес может нас обоих подвести к смертной казни, но я не могу удержаться, что-то заставляет меня посмотреть ей в глаза. Прячу удивление. Сколько светлоглазых женщин я видел среди местного населения? Немного. А такой удивительный оттенок голубого и вовсе встречается мне в этой стране впервые. Несколько секунд думаю, что меня так зацепило в ее взгляде? Прислушиваюсь к себе.

Этого не может быть, но ее взгляд оставил странное ощущение, будто она понимает, что здесь происходит, и насмехается над сложившейся ситуацией. Обычно я прислушиваюсь к своей звериной чуйке, она не подводит. Столько раз спасала жизнь мне и моим ребятам. Чуйка есть у всех, но у меня развита чуть лучше, чем у обычных людей. Наше подсознание улавливает все, что происходит вокруг нас, быстро анализирует и посылает сигнал в мозг. Нужно научиться задерживать внимание на таких моментах. Но тут...

Откуда шахидка может знать, что я подставной?

Бред! Конечно, бред! Не может этого быть!

Но чувство неясной тревоги не отпускает...

Глава 3

Аврора

Стоя у небольшого окна, наблюдаю за пленными. Сердце кровью обливается, когда вижу Юрку привязанным, как собака, к столбу. Там еще несколько наших ребят и международных журналистов, все еле живые. Хоть бы в тени привязали! И не подойдешь, ничем не поможешь. Шахидам доставляет удовольствие наблюдать за мучениями «неверных».

Увидев, как из подвала напротив выходит Абу Али со вчерашним пленным, судя по форме – америкосом, отступаю назад, чтобы меня не заметили. Здесь каждый неверный шаг грозит смертной казнью. Хорошо, если просто расстреляют, обо всех возможных зверствах думать не хочется. Эти две недели в лагере шахидов – ад на земле. Порой мне кажется, что я перестала нервничать и бояться, привыкла, а на самом деле сейчас мой организм работает на износ, включая все защитные режимы. Я не пленная, нас сюда настоятельно пригласили под дулами автоматов, но ощущение, что я в жестокой тюрьме, не покидает ни на секунду.

После убийства Абу Вахиба напряжение в лагере растет. Во что это все выльется – неизвестно, но все ждут очередной немыслимой жестокости. Шахиды не оставят без мести смерть своего командира. Поэтому на кураторе вчера выместили часть своей злобы, хотя всем здесь известно, что они

тайные союзники. Интересная практика – снабдить боевиков оружием, а потом воевать против них.

Аккуратно, чтобы меня не заметили со двора, выглядываю в окно, сейчас я могу рассмотреть вчерашнего пленного, которого встретили не очень гостеприимно. Почему он сам приехал в лагерь, мне остается только догадываться. И все мои догадки – пыль. Одного взгляда хватает, чтобы я узнала мужчину, который стоит рядом с Абу Али. Колени становятся ватными от переизбытка чувств.

Я могла бы его узнать в полной темноте среди десятков других мужчин. Представить не могла, что спасти нас придет полковник Багиров. Легенда спецназа при жизни. Его боятся и ненавидят, каждый шахид слышал о нем, но никто не знает его в лицо. А я знаю. Знаю с детства. Росла на его глазах. Мы с девчонками даже делили их с Ярославом, каждая мечтала выйти за Багирова замуж. Тогда мне было лет пятнадцать, что взять с глупой девчонки?

Братья нас даже не замечали – зачем им сопливые малышки, когда каждая вторая любовница генерала готова была по щелчку прыгнуть к ним в постель? Ради денег можно и потерпеть на себе пыхтение старого козла, но всем этим девкам хотелось быть оттраханными молодыми сильными мужиками. Это не мои предположения, это результат моего подслушивания. Мой ангел-хранитель периодически забывает обо мне, поэтому я вечно оказываюсь не в то время и не в том месте. Когда-то я так же узнала, что жены и любовни-

цы одновременно могут присутствовать на каких-то важных мероприятиях. Для меня это было откровением. Убила бы! Ну, или кастрировала обоих!

Наблюдательный пункт приходится спешно покинуть, прячусь в углу. За это с меня никто не спросит. Ко мне тут многие относятся как к пустому месту. Что взять с глухой? На случай, если мы попадем к шахидам, Тарик придумал легенду – после ранения и контузии я перестала слышать, со временем говорить. Попали. Хорошо, что успели раздать всю гуманитарку и возвращались пустыми.

Меня отправляют отнести чай Абу Али и его гостю, старательно изображаю непонимание, пока мне тычут на полный поднос, это несложно, потому что я не понимаю ни сирийский, ни арабский. В какой-то момент я делаю вид, что поняла.

Очень сложно не показать радости. Я уверена, что Багиров здесь, чтобы вытащить Юрку, а брат без меня лагерь не покинет. Несмотря на страх, что поселился где-то под лопаткой и вечно напоминает о себе, сейчас у меня появилась надежда.

А вот привлекать внимание к своей персоне не стоило! Тут мне смерть и без предательства грозит.

Наши глаза встречаются всего лишь на секунду, а у меня начинают дрожать руки.

Неужели узнал?

Нет, нет и нет!

Я хочу покинуть этот лагерь инкогнито, отец ни в коем случае не должен узнать, что я оказалась не просто в Сирии, а в лагере боевиков. Пусть папа и дальше свято верит, что его «маленькая девочка» лежит на белом песке и нежится под теплым солнцем.

Час спустя возвращаются боевики, которые куда-то спешно уехали после взрыва мины. Тащат старика, у которого не осталось сил сопротивляться. На шум выходит весь лагерь...

Глава 4

Север

— Как только наверху примут решение, я свяжусь с вами. Ваши люди проводят меня до города? — говорю уверенно и расслабленно, будто не сомневаюсь в ответе.

— Майкл, зачем тебе в город? — улыбается одними губами Абу Али, тянет лениво слова. Ожидаемое поведение. Я удивился бы, отпусти они меня.

— Вы оставляете меня здесь в качестве заложника? — имитирую возмущение.

— В качестве гостя, — разводит руками. — Пока твое руководство думает, ты останешься у нас, — завуалированно угрожает командир шахидов.

— А если ответ моего начальства вам не понравится? — хмурюсь, делаю вид, что злюсь и нервничаю. На самом деле все идет по плану. Абу Али ведет плечами, перестает улыбаться. Что-либо добавлять мне не приходится, во дворе поднимается волна шума, которая растет с каждой секундой. Выхожу за командиром шахидов из дома.

Ни один мускул не дрогнул на моем лице, пока они привязывали старика к столбу и пороли за то, что его баран посмел сбежать от хозяина и проник на их территорию. За скотиной, как и за женщиной, нужно присматривать. Наказание не очень суровое — по их меркам: пятнадцать палок. Прови-

нись женщина, ее бы забили до смерти. Для мужчины наказание – унижение.

Шахидка, которая обслуживала нас за столом, единственная, кто зажимается, когда палка опускается на спину старика. Сжимается вся, будто лупят ее. Остальные женщины в лагере равнодушно наблюдают за казнью. Неужели ее подвергали публичной порке? Почему меня это вообще интересует?

У меня есть более важные задачи, чем жалость к молодой шахидке. Каждая из них во имя своей веры и убеждений может совершить теракт, унеся вместе со своей еще десятки жизней.

Мне предоставляют кровать в доме, где живут командиры и их приближенные. Поселили не в общей спальне, где на полу размещаются до пятидесяти бойцов, а в комнате с тремя охранниками Абу Али. Тут понятно: мне не доверяют – и правильно делают. Долго водить шахидов за нос не получится, нужно как можно скорее организовывать побег.

К вечеру Абу Али уехал, прихватив с собой два десятка бойцов. Меня, понятно, в свои планы никто не посвящал. Моя задача – как можно скорее договориться о поставках оружия на условиях террористов. Я несколько раз разговаривал со связными в Москве, имитировал бурную деятельность, потому что телефон наверняка прослушивается. Будь я настоящим агентом, мог смело прощаться с жизнью, потому что ни одно правительство мира не стало бы соглашаться

на такие условия.

К ночи командир со своими людьми не вернулся. В лагере стояла тишина, не спали лишь дозорные. Убедившись, что мой охранник крепко спит, вышел в «туалет». Проходя по коридорам, я мысленно составлял план побега. Без поддержки осуществить его будет практически невозможно. Даже если удастся покинуть лагерь, далеко по пустыне с едва дышащим Каручаевым не уйдешь.

Я уже собирался возвращаться в дом, когда заметил черную тень, метнувшуюся за угол. Интуиция подсказала, что это женщина. Дернуло меня за ней пойти. Иностранных журналистов еще днем спустили в подвал, а четырех пленных оставили спать на улице, неужели к ним крадется?

Да ладно! Каручаеву даже шахидки сочувствуют?! Юрка, конечно, смазливый до безобразия, но какой душой надо быть, чтобы рисковать ради него жизнью?

Упав перед ним на колени, она поила Каручаева водой, несмотря на жажду, пил он тихими глотками. Надо отдать девочке должное, напоила она всех пленных. Спрятав пустую тару под балахон, сунула им всем в связанные руки какую-то еду, при этом почти не издала ни звука. Не впервой их подкармливает. Все движения четкие, быстрые, без суеты и страха.

Что тут происходит? Не люблю, когда на шахматной доске появляются новые фигуры, жди от них проблем!

Тихо поднявшись, она спешит обратно. Настолько увере-

на, что у нее все получилось, что теряет бдительность. В ее сторону как раз направляется часовая. Меня она тоже не видит. Специально выбрал нишу, она самая темная точка, позволяющая слиться со стеной.

Мне должно быть все равно на ее судьбу, но когда она проносится мимо и готова уже завернуть за угол, хватаю ее сзади, в первую очередь фиксирую жестко рот, чтобы не вскрикнула.

— Тихо, — шепчу на ухо на английском, быстро впихиваю в нишу и вжимаюсь в нее всем телом. — Не дыши, — приказываю на английском, не зная, понимает она его или нет. Втянув ртом воздух, она замирает. Какая-никакая, а женщина. Мой организм просыпается от слишком тесной близости. Да и пахнет она приятно. Между нашими лицами лишь тонкая ткань никаба...

Глава 5

Север

Сопит мне в ухо недовольно. Приказал ведь не дышать! Баба, что с нее взять? Думает, мне нравится изображать спаренных червей? Договаривайся потом с каменным членом и звенящими от напряжения яйцами, что не стоит так реагировать на мягкие изгибы тела и приятный запах – это всего лишь шахидка.

Совсем рядом раздаются тяжелые шаги. Слышит это и шахидка, перестает сопеть и вообще дышать. Страх – замечательное чувство, он заставляет работать наши инстинкты. Плох тот боец, который не испытывает этого чувства, потому что – дурак. Сам погибнет и других за собой потянет.

Своим страхом я давно научился управлять: не поддаваться эмоциям, а слушать тело, следовать инстинктам. Спасибо отцу, он нас с братом сначала отдал в парашютный спорт, потом познакомил с друзьями-каскадерами. Когда ледяные щупальца ужаса сковывают тело, заползают в сердце и сдавливают легкие, обычный человек начинает паниковать, а я начинаю усиленно напрягать мозг – думаю, как выйти из ситуации без потерь. Всегда есть лазейка, которая минимизирует ущерб, если нет варианта его полностью избежать.

Так происходило и сейчас. Если нас заметят, придется действовать на опережение и уходить с боем сегодня но-

чью...

— Воды, дайте воды! — кричит Каручаев на русском, отвлекает внимание на себя.

Да ладно! Этот ублюдок может думать не только о своей заднице? Неужели так девчонка понравилась, что он ради нее жизнью рискует? Если бы не сложившаяся ситуация, задрал бы тряпку на ее лице и посмотрел, ради кого Юрка глотку рвет.

Часовой останавливается. Шахидка жадно втягивает ртом воздух! Идиотка, не хватало только, чтобы она из-за кислородного голодания сознание потеряла.

— И кусок хлеба, пожалуйста! — кричит Юрка, продолжает отвлекать от нас внимание. Он знает английский, знает немного сирийский, но специально не использует понятную шахидам речь. Часовой ведется на провокацию, идет в сторону пленных. Тихо выбираясь из ниши, мы двигаемся в противоположную сторону. Нужно скорее уходить, пока Каручаев не перебудил весь лагерь. Шахидка успевает забежать в дом, я в туалет, хорошо, что он оказался свободным. Когда раздается автоматная очередь, делаю вид, что выбежал из сортира, застегиваю на ходу ширинку.

Если Каручаева расстреляли из-за бабы, это будет тотальный пздц. Генерал даже слушать меня не станет. Придумают, конечно, красивую историю, но моим ребятам это не поможет. Всех собак на нас спустят.

Как я и предполагал, меня уже искали. Приставленный ко

мне охранник подозрительно разглядывает меня в темноте. Смотри, смотри.

— Кто стрелял? — обращаюсь к нему. Не отвечает. Этого и не требуется. Юрку тащат во двор. Быстро прохожусь по нему взглядом, не выказывая заинтересованности. Их носа течет кровь. Скорее всего, приложили прикладом. Значит, стреляли в воздух или дали очередь по земле.

Связывают руки сзади. Плохой знак. Собираются казнить...

Догеройствовался! Где не надо, тебя по подвиги потянуло! Шахидов собрался полный двор. Пришли посмотреть на представление. В толпе нахожу шахидку, которую мы с этим дураком только что спасли. Несмотря на дополнительное освещение, света недостаточно, чтобы разглядеть ее лицо, но у меня есть четкое ощущение, что она волнуется и боится за Каручаева. Если поднять никаб и взглянуть в лицо, оно будет белее мела.

Чудные дела твои, Господи!

Чувство жалости к влюбленной дурехе тут же отметаю. Это жизнь. Она не всегда бывает сладкой и красивой. Кто-то греет стопы в теплом песке, а кто-то глотает пыль и кровь. Не в того ты влюбилась, девочка! Не быть вам вместе, даже если удастся вытащить этого урода из плена.

— Русский? — подхожу к часовым, которые, пиная Каручаева, ставят его на колени и заставляют склонить голову.

— Да, — зло покосившись на меня, отвечает один из них.

Всем своим видом показывает, что лучше мне отойти.

— Тогда не стоит его расстреливать, — веду себя уверенно, даже дерзко. — На неофициальном уровне они производят обмен офицеров, — полнейший бред. Никто с террористами переговоров не ведет. — Узнайте сначала, Абу Вахиб действительно погиб со своими людьми или его можно обменять? — закидываю мысль им в голову. Больше я ничего сделать не могу. Отхожу назад. Складываю руки перед собой, лениво наблюдая за происходящим. По крайней мере, так кажется со стороны. На самом деле я напряжен, как сжатая до упора пружина. Сейчас на кону сразу несколько судеб. Как бы я ни относился к Каручаеву, а быть казненным и выброшенным за ворота, как собака, не пожелаю даже врагу.

Часовые передергивают автоматы, а я опускаю веки, чтобы этого не видеть...

Глава 6

Мирон

Одно дело – убивать врагов, совсем другое – когда на твоих глазах казнят своего. Каручаев вряд ли простит мне казнь сына. Отвлекаюсь мыслями на несколько секунд, происходящее в моем сознании идет фоном. Среди всех этих звуков выделяю один – тот, который может многое изменить. В данном случае – расстановку событий.

— Самолеты в небе! — громко выкрикиваю, привлекая к себе внимание. Повторяю фразу, когда наступает тишина, а звук двигателей самолетов становится отчетливее. Тем, кто не знал английский, уже успели перевести. Начинается паника. Самолеты на любой войне – грозное оружие, которое на врагов наводит ужас. Есть отчаянные смельчаки, которые бегут к пулеметам и хватаются за РПГ.

Быстро осмотревшись, подмечаю несколько моментов: Юрку шахиды передумали казнить еще до моего сигнала, ему успели разрезать веревку на руках, а его шахидка держала в руках автомат, и что-то мне подсказывает, что она собиралась его применить. Камикадзе хренова!

Хочется верить, что Каручаев понимал, что делает, отдавая приказ ВКС наносить удары по объекту. Никто не будет прятать пленных, спасать их жизни. А если за приказом о воздушной операции стоит кто-то другой?..

Мой взгляд опять упирается в шахидку. Спрашивается, что за ерунда происходит? Заняться мне больше нечем? На нее какой-то мужик орет, автомат пытается отобрать. Другой что-то спокойно говорит на ухо, она разжимает руки, как только автомат оказывается у него, спешит к Каручаеву, про которого на короткий момент все забыли. Он уводит пленных в какую-то хозпостройку. Вряд ли там есть подвал, но я тоже бегу в ту сторону.

Первые удары по лагерю происходят на подлете, прямых попаданий по зданиям нет, удивительная «неточность». Но зато заминированное поле до сих пор подрывается от падений обломков. Все жилые постройки частично пострадали. Со всех сторон крики, стоны, стрельба. Есть раненые, возможно, убитые.

Среди нас вроде все целые. Помимо пленных, здесь укрылось несколько шахидов. Перекинуться с Каручаевым парой фраз не получится. Ну и ладно, не до этого сейчас! Выжить бы!

Паника в лагере нарастает. Все понимают, что будет вторая, а может, и третья волна ударов. Прекрасный повод бежать. Ни завтра, ни послезавтра такого шанса может не быть. Нужно воспользоваться паникой и дырами в обороне. Пострадали не только заборы, но и вышки. Да и оставаться после такого здесь опасно. Особенно нашим пленным, на них захотят выместить злость.

Раненых много. Поэтому все шахиды спешат на помощь

своим. Удивительное дело, но я взглядом ищу шахидку, для того чтобы убедиться, что она жива. У меня тут непонятно что происходит, а я думаю о ней. Обхожу лагерь, нигде ее не вижу. Мертвых складывают под уцелевшим навесом, но там вроде всего двое — и оба мужчины.

Возвращаюсь к пленным. Они сидят на полу, руки у всех развязаны. Шахидка постаралась. Стоит с ножом в руках.

— Бежать нужно сегодня, — присаживаюсь возле Каручаева на корточки и негромко произношу, в любой момент может кто-то появиться. Наши парни отводят взгляд. Думаю, брошу их. Нельзя их тут оставлять.

— Как и когда? — спрашивает Юрка.

— Во время второго налета. Будьте готовы... — коротко рассказываю свой план, кошусь на шахидку. Откуда-то есть уверенность, что она любимого не предаст, не расскажет, что я русский, а то Каручаева тут убьют. — Вы с нами? — обращаюсь к пленным. Нет времени знакомиться, все потом.

Несмотря на то, что парни еле держатся на ногах, они готовы вырываться из ада с боем. Моя задача достать оружие, думаю, с этим проблем не должно быть. Парни молчат, косятся на Юрку, ждут его решения. Хоть где-то авторитет заработал!

— Она пойдет с нами, — кивает на шахидку Каручаев. — Без нее я и шага отсюда не сделаю, — упрямо заявляет.

А меня просто злость душит! Нашел время крутить любовь! Своих женщин, что ли, мало?!

— Моя задача вытащить тебя из плена! Зачем тебе сда-
лась эта баба?! — цежу тихо сквозь зубы, хотя хочется на-
орать на тупого генеральского сынка.

— Я не баба, — звучит на чистом русском из-под паран-
джи. Сказать, что я удивлен — ничего не сказать. Появляется
острое желание этой дуре всыпать по заднице. — Выбирайте
выражения, полковник Багиров, — прилетает раньше, чем я
успеваю открыть рот и выговорить на могучем русском все,
что думаю об этом дуэте. Этот дерзкий голос натягивает все
нервные волокна до предела.

— Я ей ничего не говорил, — поднимает вверх руки Ка-
ручаев. — Она тебя узнала.

«Узнала?» — готов сдернуть с нее этот черный балахон.
Поднимаюсь на ноги и нависаю над ней.

— Кто. Ты. Такая? — мой нордический темперамент го-
тов дать трещину.

— Сейчас важно не то, кто я такая, а как нам всем вы-
браться отсюда живыми, — полтора метра недоразумения
смеет меня отчитывать. Разговорилась... твою дивизию! —
Когда будете составлять новый план побега, рассчитывайте
забрать с собой не только нас, но еще и Тарика.

— Какого... еще... Тарика?! — цежу сквозь зубы. У меня
мозг закипает.

— Моего мужа...

Глава 7

Багиров

«Мужа?!»

— Я скажу Тарику, чтобы он нам оружие приготовил,
— произносит эта русская, резко разворачивается и уходит. Мне тоже не стоит здесь задерживаться, привлекать внимание.

Моя задача — делать вид, что я помогаю шахидам и очень сильно боюсь за свою жизнь. До второго налета времени мало, а дел много. Но вместо этого я проматываю в голове открывшиеся факты!

Она еще и замужем! Этот Тарик тоже русский? Почему позволил ей бегать по ночам к Каручаеву? Осознали, что попали в задницу, и хотят из нее выбраться?

Не каждый русский муж позволит своей жене бегать помогать другому, нестанет наблюдать за их нежностями и геройскими выходками, а тут... Тарик! Мать его... отец любил! Что это за джихадист, который ее за такое поведение не казнил?

— Им можно вообще доверять? — спрашиваю Юрку, который все это время наблюдает за мной. Злит своей ухмылкой.

— Тебе можно, — дерзит гаденыш. Едва живой, но свой сучий характер проявляет в полной мере.

— Оставить бы тебя джихадистам, — выплевываю в сторону Каручаева. Парни косятся на него, видать, в курсе, что он за гнида. Никто не спешит меня переубеждать.

— Оставь, если хочешь, а ее вытащи отсюда живую и здоровую, — абсолютно серьезно произносит Юрка.

— Кто она? — этот вопрос не дает мне покоя.

— Та, которую люблю больше жизни! — произносит твердо, без капли сомнений. Видел я, как он на шахидов бросался, чтобы они ее не заметили.

Не станет Каручаев ради обычной бабы бросаться такими словами. Неужели этот эгоист способен так сильно любить женщину... чужую женщину?

В ней определенно что-то есть: сила духа, бесстрашие, которое я бы обозвал бабьей дуростью. А еще глаза... Да, красивые. Взгляд цепляет. Но сколько проблем эти голубые глазки могут доставить...

Хватит о ней думать!

Те из джихадистов, что пообразованнее, под предлогом спасти женщин и детей бегут в деревню. Мирное поселение вряд ли будут бомбить, шанс спрятаться и выжить там больше. Другие вывозят раненых.

Быстро выясняется, кто такой Тарик. Видимо, с подачи супруги сеет панику в рядах джихадистов. Еще и умная, зараза! Тарик предупреждает шахидов, что будет еще один налет. Возможно, два. С рассветом легче будет нанести точные массированные удары. Многие с ним соглашаются, мало кто

готовов остаться и защищать руины, в которые в скором времени превратится лагерь. Русскую замечаю в толпе лишь один раз. Быстро передвигается, на плече два автомата. Успела переодеться в военную форму, но лицо прячет под никабом.

О пленных на какое-то время забывают. Джихадисты бегут. Хреново то, что машин в лагере не осталось. Если уходить пешком... то только через минные поля. Внимание шахидов ослаблено, мне удастся достать шесть гранат, автомат и пару магазинов с патронами.

Звоню связному перед самым началом операции, но связи нет.

Хреново!

Часа полтора уходит на то, чтобы подготовить побег. Плана никакого, потому что кругом хаос! Шанс, что все получится, совсем небольшой.

Кто без моего сигнала отдал приказ об авиаударах?!

Кто-то все-таки вспоминает о пленных и предлагает их расстрелять. Откуда я об этом узнаю? Тарик мне сообщает, он неплохо говорит по-английски. Часть шахидов спускается в подвал, вторая часть отправляется под навес, к нашим ребятам.

Тихо убрать не получается, шахиды издалека передергивают автоматы и открывают огонь. Не сразу получается открыть ответный огонь, сначала нужно было выбежать из зоны видимости. Мы вынуждены стрелять в спины, чтобы спасти наших ребят. Тела быстро оттаскиваем к стене, забираем

оружие. Время идет на секунды...

— Уходим! Уходим! — подгоняю парней.

— Где Аврора? — кричит Юрка, держась за бок. Еще один из парней ранен в ногу.

Два трехсотых! Как далеко мы убежим? Они и так еле на ногах стоят.

— Я здесь, — влетает Аврора, теперь я хоть знаю, как ее зовут. За спиной полный военный рюкзак — как она его только доперла? Рюкзак забирает у нее муж.

— Бегом, — указываю на проем в стене чуть впереди нас. Подхватываю Каручаева, потому что русская Аврора собиралась осматривать его рану. Нашла время, идиотка! Другой парень, хромя, бежит сам, там пуля прошла навывлет.

Если кто-то поднялся на смотровую вышку, нас изрешетят из пулемета. Оглядываться времени нет, нужно смотреть под ноги, тут кругом расставлены мины и разбросаны «лепестки». Да и с трехсотым на плече не развернешься.

— Нам в другую сторону, полковник, — останавливает нас Тарик, когда мы отдаляемся на приличное расстояние от лагеря. Меня напрягает, что ему так много известно. Отрезать бы одной болтливой шахидке язык!

— Там нас будут ждать мои люди, — жестким тоном.

— Если там были ваши люди, сочувствую. Вечером вчера звонил Абу Али и сообщил, что они отомстили за Абу Вахиба, убили всех неверных, загнав тех в ловушку. Поэтому ваше командование отдало приказ об авиаударах. В ту сто-

рону идти нельзя, — Тарик говорит, а я перед собой ничего не вижу. Хочется кричать о боли. Сердце словно в тисках сжало. Сбрасываю на землю Каручаева. Я эту суку на себе тащу... Из-за него сложили головы мои ребята!

Матрос... Старый... Пепел...

Перебираю в памяти их лица...

Точно знаю, что они бы не сдались в плен. Бились бы до последнего...

— Я бы не верила Абу Али, — подает голос Аврора. Она сидит на корточках у ног Юрки и пытается его поднять. — Он подлый, мог придумать такое, чтобы его авторитет командира никто не смел оспорить. Пока не увидите тела, не хороните своих друзей, — она дарит своими словами надежду. Притупляет боль в сердце. — Но Тарик прав, в ту сторону не стоит идти, все шахиды сейчас именно на той стороне. Мы сами придем к ним в руки...

Глава 8

Аврора

По мне, наверное, незаметно, но я вся трясусь. Находясь в зоне боевых действий, ты привыкаешь к взрывам, привыкаешь к тому, что каждый день кто-то погибает, мозг притупляет страх, притупляет эмпатию, потому что можно сойти с ума, но когда дело касается твоих близких, слетают все блоки.

Я не думала, что могу погибнуть под тем обстрелом, не думала, что шахидаы начнут стрелять мне в спину, я боялась за брата, за Тарика, который стал мне за эти месяцы не просто товарищем, а близким другом, переживала за полковника, что его рассекретят и казнят раньше, чем мы выберемся из лагеря.

Юрка оказался ранен, а я в темноте понять не могла, насколько серьезно. Когда, скинутый с плеча Багирова, он застонал, думала, у меня от боли сердце остановится. Это ведь из-за меня Юрка в лагере джихадистов оказался, спасать полез, рискуя своей жизнью.

Он единственный, кто знал, что я в Сирии. Ругался, чтобы я убиралась отсюда, но я ведь упрямая. С детства со мной мужики в семье сладить не могли. Если я кого-то решила спасти, нужно было подключаться. Вот и здесь, в Сирии, Юрка помогал, отправлял в наш район машины с гуманитаркой...

— Нужно уходить, — произносит Тарик, пока я пытаюсь поднять Юрку. Парни, которые находились в плену вместе с братом, приходят мне на помощь.

— Ему нужен врач, — смаргивая с глаз застывшие слезы.

— Сейчас вызовем, через пять минут приедет, — буркнув, Багиров подхватывает Юрку на плечо.

Если он хотел меня поддеть, у него получилось. Я и сама прекрасно понимаю, что в ближайшие дни до медиков мы не доберемся. Это был крик отчаяния! Ему ведь тоже больно из-за ребят. Если он не заметил, я пыталась его поддержать.

— Тарик, веди нас, — произносит на английском Багиров. — Надеюсь, ты и дальше проведешь нас без потерь.

— Постараюсь, но ты больше не кидай раненого, нам повезло, что он не упал на мину, — парирует смело Тарик. Он очень хороший и смелый человек, и с каждым разом я в этом все больше убеждаюсь.

Далеко отойти мы не успели, укрылись за небольшим холмом. Настолько небольшим, что сами соорудили холм из наших тел, привалившись вплотную друг к другу. В этот раз полковник бережно опустил Юрку, хотя мы успешно прошли минное поле, и я ждала, что брата опять грубо сбросят на землю.

Прикрывая уши во время налета, я теснее жалась к кому-то из ребят. Как же страшно! Ощущения, что бомбы летят на нашу голову. Когда все затихло, я кинулась к рюкзаку — пора перевязать раненых.

Багиров позволил мне спокойно заняться братом, а Владимира перевязал его товарищ. В темноте сложно оказывать помощь. Света телефонного фонарика недостаточно, чтобы действовать быстро. Пока посветишь на аптечку, найдешь нужный препарат, потом на ранение... и так несколько раз.

Все мое внимание было сосредоточено на Юре, я видела, что рана серьезная, нужно оперировать, но что я могу сделать в таких условиях? Обезболить и постараться остановить кровь.

— Светает, — единственное, что произнес Багиров за последние минуты. Я спешу, потому что до рассвета нужно убраться как можно дальше отсюда. Брат не стонет, укол начал действовать. Я понимаю, что это временный эффект, что его жизнь до сих пор под угрозой, но все равно радуюсь, что он хотя бы не чувствует боли.

Хочется дать обещание, что, если он поправится, я не буду больше бежать и спасать несчастных, пострадавших... но я ведь себя знаю, не смогу остаться в стороне и молча наблюдать. А дать обет и не выполнить — для меня все равно, что совершить тяжкое преступление.

Мы идем молча. Несколько часов. Я устала передвигать ноги, а Багиров все это время тащит на себе Юрку. Прекрасно понимаю, что делает это он не ради звездочек и уважения к брату, у него какие-то другие мотивы. Какие — знает лишь он и наш отец. Когда-то наши семьи дружили, а теперь мне не хочется показывать ему свое лицо.

Не хочу увидеть, как его перекосит, когда он меня узнает. Моя благодарность Мирону не нужна, для него я, скорее всего, дура, которая вышла замуж за джихадиста и поперлась с ним к игиловцам. Пусть лучше так, чем он вспомнит дочь генерала и будет смотреть на меня, как на Юрку: с пренебрежением и неуважением. Я знаю, что у отца и брата есть недостатки, много приходилось выслушивать, но я все равно их люблю...

— Нам лучше остановиться и переждать до темноты в развалинах, — указывает Тарик на деревню, разрушенную несколько лет назад. — Сейчас люди Абу Али будут прочесывать местность в поисках выживших, — смотрит на Багирова. Все негласно приняли его лидерство, никто даже не посмел бы спорить. Скажи сейчас Мирон, что мы двигаемся дальше, пошли бы.

— Хорошо, но нам нужна связь. Без поддержки мало шансов выбраться отсюда живыми...

Глава 9

Север

Облазил все холмы и крыши более-менее сохранившихся зданий, связи не было. Лагерь шахидов уничтожили, но большинство из них успели бежать. Тарик прав: нарвемся на большую группу, они нас всех положат. Без медицинской помощи Каручаев долго не продержится. Как можно скорее нужно выйти на наших.

Чтобы сохранить заряд батарейки, телефон пришлось совсем выключить. Спускаюсь в полуразрушенный подвал, где укрылись ребята. Аврора, положив голову Каручаева себе на колени, обтирает его лицо водой. Смелая девчонка. Вот только понять не могу, что она в этом мудаке нашла? Перевожу взгляд на Тарика. Не верю, что он ее муж. Какой муж будет спокойно наблюдать, как его жена заботится о другом, вкладывая в свою заботу столько нежности?

Ребята разогревают на сухом спирте консервы. Бросаю взгляд на импровизированный стол – на расстеленном пакете раскрытый сухпак, лепешки, которые девчонка прихватила с собой, сыр, немного фруктов и вода.

— Тарик, идем, кое-что обсудим, — произношу на английском. Девчонка ему доверяет, а я не привык полагаться на чужое мнение. Выводы буду делать сам.

Сириец поднимается и выходит вслед за мной. Аврора

провождает меня взглядом, готова сорваться и бежать за нами. Разволновалась, глаза забегали. Что ты скрываешь, русская шахидка?

— С ранеными мы далеко не уйдем, — начинаю я, и, не дослушав, Тарик начинает хмуриться. — Я не предлагаю тебе их убить, — озвучиваю его мысли, которые легко считываю с открытого лица. Пленные тоже сильно измождены, они долго не выдержат быстрого темпа. Да и в девчонке я сомневаюсь. — Как быстро мы сможем выйти на русских, если будем передвигаться только вдвоем?

— Пешком — дня два-три, может, больше, — выдает неутешительную новость. Это долго! Но выхода другого я не вижу. Если только выйдем к точке, где есть связь. — Ты хочешь оставить их здесь? — в его тоне слышится осуждение. Я не привык, чтобы мои решения оспаривались, а приказы — не выполнялись. Каждое мое действие всегда оправдано.

— Не вижу другого выхода, если не привести подмогу, Каручаева не спасти, мы не донесем его живым.

«Да и сами вряд ли дойдем!» — добавляю про себя.

— Я пойду один, ты нужен здесь, — произносит Тарик. — Если меня поймают, скажу, что выбрался из лагеря после бомбежки, меня они не тронут.

Хитрый жук. Наверняка и жена у него ненастоящая.

— Если тебя поймают, сколько дней нам ждать помощи? — не сомневаюсь, что он найдет, как сообщить нашим бойцам, где искать сына Каручаева. Его точно не бросят.

Только вот понять все равно не могу, почему разметали лагерь шахидов? Неужели кто-то донес, что Юрку расстреляли, и это была месть? На мою жизнь товарищу генералу похер.

— Я не знаю, но постараюсь выйти на ваших как можно скорее.

Отпускать Тарика одного мне не хотелось, но пленные ребята были сильно измождены, будут его задерживать. Мне действительно лучше остаться.

— Жена тебя одного отпустит? — слежу за реакцией. Ее нет.

— Отпустит, — его слова сопровождает уверенный кивок. К разгадке их союза я никак не приближусь.

— Тебя не смущает, что она останется наедине с чужими мужчинами? — жду от него хоть каких-то эмоций, их нет.

— Я ей доверяю.

А я – нет!! Понять не могу, как к ней относиться. Она, как блоха, которая прыгает по телу и кусает, вызывая зуд на коже. Тревожит, а избавиться от нее не могу!

— А нам тоже доверяешь? Мы столько дней без женщины... — вижу, что до него начинает доходить. Я пушу пулю в голову тому, кто попытается взять девчонку насильно, но ему об этом знать необязательно.

— Ты не обидишь женщину, — произносит, а в глазах застыл страх.

— Кто она тебе? — хватаю за грудки и притягиваю к себе.

— Не советую мне врать. Терпеть не могу, когда меня водят за нос.

— Жена! Жена она мне, — тихо, но быстро произносит он, не отводя взгляда.

— Какому-нибудь пидару это заливай! Последний раз спрашиваю, кто вы такие? — зло цежу сквозь зубы.

— Мы волонтеры, — вклинивается между нами девчонка. — Тайно развозили помощь семьям с детьми. Когда нас встретили шахиды, нам повезло, что в машине кроме наших вещей ничего не было. Пришлось сказать, что мы едем к родне в другой город, так как наш дом разрушили. Нам поверили, но не отпустили. Отвезли в лагерь... — рассказывает Аврора на эмоциях, глаза горят яростью. Готов сдернуть с нее эту тряпку, чтобы увидеть лицо. Горячая девочка. — Отпусти его, Мирон, — мне нравится, как она произносит мое имя. Откликается внутри непонятное чувство. Вспоминаю слова Каручаева, что она меня узнала. Мы встречались с ней раньше...

Где?

Когда?

Хочу это выяснить прямо сейчас. Отпускаю Тарика, он все равно не понимает по-русски, можно спокойно говорить при нем.

— Откуда ты меня знаешь? — напирая на девчонку...

Глава 10

Аврора

Откуда я тебя знаю?

Серьезно?

Ха! Сто раз ха-ха!

Жди, сейчас исповедуюсь.

— Когда у меня возникнет желание вам открыться, товарищ полковник, вы мой словесный понос не остановите, — вырываю руку. Не понимая ни слова, Тарик напряженно за нами наблюдает, готовится кинуться защищать, хотя понятно, что Мирону он не соперник. Да они все вместе не выстоят против Багирова, если дело дойдет до рукопашки.

— Лучше прямо сейчас... — обдает меня холодом своего ледяного взгляда.

— Обожаю слушать угрозы, — бесцеремонно перебиваю. — Ну, вот что ты мне сделаешь? — перехожу неосознанно на «ты», но тут же исправляюсь. — Орать будете? Слюной забрызгаете? — хмыкнув, отступаю назад. Выражение лица Багирова не изменилось, но я чувствовала угрозу, исходящую от него. Он же одним пальцем мне хребет переломит при желании. — Хотя нет, тебе не присуще поведение большинства генералов, будешь меня своим ледяным взглядом прожигать. В жару самое то, — вновь выдаю, что когда-то мы были неплохо знакомы, хоть он меня не замечал. Совсем

не замечал угловатого подростка с нуляшкой вместо груди. — Понимаю ваше желание меня прихлопнуть, но вы ведь настоящий мужчина, а значит, никогда так не поступите, — несу что попало, чтобы обезопасить свою жизнь, которая в данный момент под большой угрозой.

Напрягся полковник, понимает, что я знаю куда больше, чем любая случайная девка из его жизни. Когда ты глупая влюбленная малолетка, которая возвела мужика в ранг идола, то вся твоя жизнь — сбор информации о любимом.

Знал бы ты, Север, какие подробности твоей жизни до сих пор хранятся в тайниках моей памяти.

Я имена твоих любовниц до сих пор помню, а когда-то мне хотелось им волосы повыдергивать — всем до единой, чтобы ты на них не смотрел. Тогда я ловила каждое упоминание о нем. Юрка с друзьями любили от зависти обосрать их с братом достижения. Отец злился и не сдерживался, когда высказывался за ужином о зазнавшихся сыновьях своего друга. Но это все в прошлом. Моя задача — сохранить свое инкогнито. Не хочу подставляться, не хочу, чтобы о моем пребывании в Сирии стало известно отцу.

— У нас есть более важные дела, чем стоять под солнцем и выяснять мою личность. Давайте сначала выберемся отсюда живыми, а потом будете вести допрос, — звучит вроде разумно, главное, чтобы на это повелся Север. Как только мы отсюда выберемся, я сделаю все, чтобы незаметно сбежать. А Тарик мне поможет.

— Значит, есть в чем исповедоваться, преступница? — ловит меня на слове.

— Это вы у нас безгрешный, а мы обычные люди, — веду плечами. Мою иронию Багиров не оценил.

— Не дерзи мне, шахидка, — цедит слова сквозь зубы. — Я ведь могу забыть, что ты женщина, — едва уловимый взгляду выпад — и обе мои руки зажаты в его ладони. Коснувшись края никаба, он медленно тянет его вверх. В моих глазах плещется паника. Не может ее там не быть. Ведь глаза отражают наше внутреннее состояние. Не хочу, чтобы он меня узнал!

— Нельзя трогать никаб постороннему мужчине, — вмешивается Тарик. Как жаль, что я обучила его только могучему русскому мату, а то он бы давно кинулся на мою защиту, если бы понял, что мне угрожают.

— Ты это Каручаеву скажи, который облапал бедра твоей женщины, — выплевывает с насмешкой, глядя в глаза моему вроде как мужу. — Наверное, не только бедра, — а вот сейчас Север его провоцирует. — Ты единственный мусульманин на моей памяти, кто позволяет своей супруге нежности с другими мужчинами. Ты ею, случайно, не торгуешь? — я от возмущения голос теряю. А Тарик выходит из себя, передергивает затвор автомата. Что-то он слишком вжился в роль.

— Тарик, прекрати! — выдернув свои руки, хочу встать между мужчинами, но Север меня задвигает за спину.

— Стреляй, что застыл? — в голосе Севера никаких эмоций. А меня всю трясет. Багиров недооценивает Тарика.

Ребята вышли из подвала. Стоят, наблюдают. Никто не решается вмешаться.

— Тарик, он тебя провоцирует! — пытаюсь достучаться хотя бы до друга.

Понять бы еще, зачем он провоцирует!

— Прекрати! — тычу в спину Багирова. — Он ведь может выстрелить в тебя, — в панике я вновь перехожу на «ты».

— Кишка тонка. Недомужиков ты выбираешь, шахидка, — в следующую секунду автомат оказывается у Багирова, Тарик лежит на земле с приставленным к голове дулом.

— Не надо, — испуганно шепчу...

Глава 11

Аврора

Выхожу из-за спины Багирова, но не решаюсь подойти к Тарику. У Севера абсолютно нечитаемое выражение лица. Последние годы я мало интересовалась его жизнью, но ведь благородные мужики не могут стать подонками? Не могут ведь?

Нельзя было Тарику наставлять на Мирона оружие. Спасибо, конечно, что пытался защитить, но не так ведь! Когда нервы у всех на пределе, когда нас в любой момент могут обнаружить джихадисты, когда мой брат может умереть от ранения, последнее дело угрожать расправой человеку, задача которого нас всех вытащить отсюда.

— Не стреляй... — умоляюще смотрю на Мирона, он и бровью не ведет. Я спровоцировала Севера, а Тарик вынужден был кинуться меня защищать. Если Мирон потребует снять никаб и все ему рассказать, я это сделаю. Жизнь Тарика дороже любых тайн. Вообще все это произошло из-за меня.

— Ты хотел защитить от меня свою женщину? — в подтверждение моих мыслей заговорил Мирон. От его холодного тона у меня мороз по коже, несмотря на сорокаградусную жару. — Я понял бы, ударь ты меня кулаком в лицо, — продолжал Север спокойно выговаривать. — Поднять автомат

на безоружного — демонстрация слабости, ты, как мужчина — пустое место. Так себя ведут шакалы, — это было прямое оскорбление, но тут я могла признать правоту Багирова. Мы в одной упряжке, и стрелять в кого-то из своих — подлость. Хотя уверена, что друг не выстрелил бы.

— Я не могу тебе доверять, легче пристрелить, — продолжает Мирон. Прежде чем я хоть что-то успеваю понять, раздается щелчок затвора и автоматная очередь.

Крик застывает на моих губах. Тарик лежит на песке, даже его смуглая кожа неспособна скрыть бледность лица. Багиров стрелял рядом с его головой. Это был урок. Жестокий урок, который усвоили все.

— Поднимайся, — приказывает побледневшему Тарику. Тот все еще прикрывает голову рукой. — А теперь запомни: главный здесь — я. Мои приказы не обсуждаются. Моя задача вытащить отсюда пленных живыми, если вы не с нами, прямо сейчас забирайте свои вещи и уматывайте, — смотрит на нас с Тариком. Друг понимает, что мы не можем уйти. Я на это никогда не соглашусь. Брата я ни за что не брошу.

— Я остаюсь, — тут же выдаю я на русском. Хочу сказать громко, но получается лишь хриплый шепот. Жду, что Север выдвинет требование, но он даже не смотрит в мою сторону.

— Я отправлюсь за помощью, но ты не будешь трогать мою женщину, — произносит Тарик твердо, ждет, что скажет Багиров.

— Что ты подразумеваешь под словом «трогать»? — чуть

приподнимает бровь, когда спрашивает Тарика.

— Ты не сделаешь ничего, что не понравится Авроре, — Тарик не понял ни слова из нашего разговора с Севером, поэтому решил перестраховаться и защитить меня от всего. Чтобы выразить свою признательность, незаметно складываю руки в молитвенном жесте возле лица.

— Странная ты... шахидка, — с иронией произносит Север, жест не укрываясь от него. А ведь он не посмотрел ни разу в мою сторону. — Отправляйся, — молча кинув автомат Тарику в руки, Мирон спускается в укрытие. Он не произносит банальных обещаний, но я не сомневаюсь, что он их выполнит.

— Я принесу тебе рюкзак, положу с собой немного еды и воды, — подхожу к другу.

Мне не хочется делать ему замечание за его выходку, не хочется объяснять, почему Багиров чуть не стянул с меня никаб. Тарик вряд ли поймет, все-таки у нас с ним разный менталитет. А Север офицер спецназа, в его крови, наверное, за столько лет выработался ген — никому не доверять на войне. Только так можно сберечь жизни личного состава.

— Аврора, я боюсь тебя с ними оставлять, — кивает на разбитое здание, в котором спрятались Багиров и остальные ребята.

— Не бойся, со мной точно ничего не случится, — откуда во мне такая уверенность? Да нет ее.

— Он сумасшедший, — мотает головой Тарик. Знал бы

он хоть часть тех легенд, которые ходят о Мироне, убедился бы в своих подозрениях.

— Он меня не тронет, — уверенности у меня нет, но для Тарика я ее изображаю. Мирона я понимаю. Пусть и русская, но я для него шахидка, он не может мне доверять.

Мой тон убеждает друга. Вниз он не спускается. Прежде чем отобрать для Тарика небольшую часть наших запасов, я подхожу к брату. Он спит или без сознания...

Страх сковывает сердце. Не хочу даже думать, что мы можем его не спасти...

Багиров сидит у дальней стены, откинув голову на прохладный камень. Глаза закрыты, но я уверена, он за мной следит.

Отобрав небольшую часть наших запасов, выхожу проводить друга. Он понимает, что времени у Юры немного, поэтому сразу уходит. Спешит...

Глава 12

Север

Просчитываю в голове возможные варианты развития событий. Бросаю взгляд на Каручаева. Мразь ведь, но умрет... жалко...

Смерти ему не желаю. Вместе ведь росли, помню его еще сопляком.

Русская шахидка не отходит от него, переживает, как за родного. О Тарике там, наверху, меньше пеклась, когда я к его голове дуло автомата приставил. С ней еще успею разобраться, есть дела куда более важные. Тарик отправился к своим минут пять назад, пора нагонять. Прежде чем уйти, подхожу к девчонке, которая слишком много мыслей занимает в моей голове – к Авроре.

— Твой муж взял с меня обещание не делать ничего, что тебе не понравится, но он не запрещал мне делать то, что тебе понравится, — тихо прошептал на ухо. Жду реакцию, а ее нет. Девчонка заморозилась, словно юная девственница в первую брачную ночь. Желание прижать ее к себе гашу внутри себя, парни умолкли и косятся в нашу сторону.

Разворачиваюсь и ухожу. Хорошо, что успел захватить кепку и фляжку с водой, а то бы так и сбежал. Хотел ее заставить нервничать, но сам завелся. Идея делать с ней то, что понравится нам обоим, становится навязчивой!

Вдыхая горячий воздух, выбираюсь наружу. Солнце поднимается все выше над горизонтом, скоро станет совсем жарко. Нужно было, чтобы Тарик как можно скорее отдалился от нашего схрона. Доверия у меня к нему нет, доверие нужно заслужить. А я все еще подозреваю, что приведет к пленным своих...

Осматриваю руины, пространство вокруг. Останавливаю взгляд на движущейся впереди точке.

Шахиды после налетов будут собирать своих: мертвых, чтобы предать их земле, раненых, тех, кто сумел спрятаться и уцелеть. Стрелял я специально. Хотел привлечь внимание джихадистов. На звуки выстрелов должны были отреагировать, послать кого-нибудь, чтобы проверили. Рассчитывал, что подберут Тарика, если он действительно собирался нам помочь.

Тарик не замечает, что все это время я иду за ним, дышу, можно сказать, в спину. Он постоянно останавливается, воровато, испуганно оглядывается по сторонам. Выдает свою нервозность.

То ли шахиды на выстрелы внимания не обратили, то ли не в той стороне своих собирают...

Часа три тащусь за Тариком по жаре. Тяжелые армейские берцы вязнут в горячем песке, идти сложно. Одежда пропиталась потом насквозь. Солнце зависло в зените, ни один предмет вокруг не отбрасывает тень. Далеко отошли. Мысленно рисую маршрут, запоминаю, как вернуться за Кару-

чаевым... и этой шахидкой с красивыми голубыми глазами!

Почему не содрал с нее никаб?

Откуда это гребаное уважение к террористкам?

Стоит признать, что меня тянет к Авроре. Постоянно ловлю себя на том, что наблюдаю за ней. Чужая баба восхищает и бесит одновременно. На хрена она мне сдалась?!

Навязчивая идея, которую нужно воплотить в жизнь — необходимо увидеть ее лицо...

Может, она страшная, отвернет от себя враз. Меньше проблем и головной боли. Я даже хотел бы, чтобы Аврора оказалась некрасивой. А то в следующий раз рука дрогнет, сделаю ее вдовой. Если продолжу думать членом, а не головой, проблем не избежать.

Что меня так цепляет в шахидке? Скольких я таких здесь встречал, да и девчонок военных тут полно из местных, ни на одну так не вело.

Когда она своими большими голубыми глазами из этой черной прорези смотрит, нутро выворачивает. Голосом своим сексуальным жилы натягивает...

Мысли о девчонке не мешали мне следовать за Тариком. Собрался и выкинул из головы весь этот бред, когда вдали увидел облако пыли, поднимающееся из-за приближения военной машины. Тащит за собой на высокой скорости столп песка.

Тарик заметил автомобиль, остановился. Паникует. Не вижу его лица, но страх осязаем. Даже на таком расстоянии

я могу его почувствовать. Принимает решение – прятаться или выходить к джихадистам. Могут ведь расстрелять без суда и следствия.

Проходит несколько мгновений, он собран и спокоен. Правильно, не стоит шакалам показывать свой страх, разорвут. Короткими перебежками приближаюсь потихоньку, прячусь за небольшим барханом, почти зарывшись в песок.

Если Тарик договорится со своими, скорее доберется до наших... но есть еще один вариант...

Затаился и жду, пока они балакают на своем. Песок лезет в глаза, нос, уши. Цепляется к влажной коже, обжигает и нагревает и без того горячий металл автомата. Не двигаюсь, дышу ровно, медленно...

Тарика грубо допрашивают, что-то орут на своем. Бьют прикладом в спину, вынуждая упасть на колени. Передернули затвор автомата. Привычный уже сценарий. Не жалею ни врагов, ни своих. После налета они озлобленные, им нужны виновные.

У меня несколько секунд, чтобы принять решение. Не успею их всех положить, это надо с одного выстрела снимать пулеметчика, а у меня автомат, а не СВД. Чужое оружие не будет послушно петь в моих руках...

Внимательно слежу за тем, что будет происходить дальше, в какую сторону качнет джихадистов. Если придется открыть огонь, то шанс остаться в живых у меня... меньше одного процента. Погибну, генеральского сына вряд ли удаст-

ся спасти...

Прощаюсь мысленно с Тариком. Аврора может стать вдовой без моей помощи. Тарик что-то быстро-быстро говорит. Не его, видимо, сегодня день...

Глава 13

Аврора

Багиров ушел вслед за Тариком...

Прошло уже больше часа, а он все не возвращался. Сидя возле брата, я до сих пор ощущала мурашки на коже, которые появились в тот момент, когда Север шепнул на ухо обычную пошлую банальность. А у меня сердце зачастило, дыхание сбилось. Малолетней девчонкой я мечтала о том, чтобы он меня поцеловал. Крутой офицер спецназа не мог, конечно, влюбиться в худющую обычную малолетку. У меня даже прыщи на лбу и подбородке выскакивали, ну какие там мысли о поцелуях могли быть у взрослого красивого парня?

Целовали меня другие парни. Целовали умело. Какой девчонке не нравится, когда красивый парень оказывает знаки внимания, зажмет в углу и без спроса прижмет к себе, захватит в плен губы?..

Мне нравилось играть в любовь, переживать романтические чувства, ощущать робкие порывы страсти, о Севере я почти не вспоминала. Как-то после смерти отца Багировы перестали приходить к нам в гости. С глаз долой – из сердца вон.

Хотя из сердца Север, видимо, никогда не уходил, раз я как дура сижу и прокручиваю в голове его слова, каким тоном они были сказаны. Нашла время мечтать о Багирове. У

меня на руках раненый брат, кругом полно моджахедов, готовых всех нас казнить, а я слюни пускаю на мужика, который своей фразой хотел лишь поставить меня на место.

К обеду у Юрки начала подниматься температура, сбить не получалось. Не было ни лекарств, ни водки, ни даже холодной воды, чтобы его обтереть и сделать холодный компресс на лоб. Та вода, что я прихватила с собой, пригодна только для питья, она давно уже теплая.

Вот она – настоящая паника. Так страшно потерять брата. Я бессильна что-то сделать. Слезами топлю свое сердце, но глаза сухие. С детства приучена не показывать слабость при других. Да и не помогут Юрке мои слезы.

Попробовала более тщательно промыть рану, а толку? Только брата помучила, каждый его болезненный стон разрывал мне сердце. Тяжело просто сидеть на месте и ничего не делать.

Куда запропастился Багиров? Несколько раз украдкой поднялась наверх, все вокруг осмотрела, его нигде нет. Что могло случиться? Стараясь не обращать внимания на внутреннее беспокойство, занялась разогревом пищи.

Накормила ребят, убрала. Страх и волнение усиливались с каждым часом. Теперь я не только за Юру переживала, но еще и за Севера. Гоню от себя неприятные мысли, а они все равно в голову лезут. Нельзя распускать нюни. Брату, да и другим ребятам, я нужна сильной девчонкой!

Уже скоро солнце садиться начнет, а его все нет. Он ведь

не мог нас здесь бросить? Не знаю, что уже и думать. Может, он где-то раненый лежит или ему стало плохо? Вот где его искать? Мог он отправиться с Тариком за помощью и ничего не сказать? А разве ему не опасно выходить на моджахедов?

Как же не хочется в нем разочаровываться, но ощущение, что нас бросили, никуда не девается. Давно перестала верить в человеческую порядочность. Есть среди отцовских коллег настоящие мужики, офицеры, но есть и трусы, которые в системе сидят благодаря связям, а главной целью является зарабатывание денег. Багиров относился к первой категории офицеров – те, кто под пули идет, кто спасает чужие жизни, кто защищает, кто не предает друзей.

«Но ведь приоритеты могли поменяться?» — шепчет внутренний голос, которым управляют страх и неуверенность.

Одному ему легче уйти, спасти свою жизнь...

Тогда зачем он рисковал собой в лагере шахидов?..

— Пить... пить... — доносится едва слышный шепот. Вскрываю и бегу к Юрке. Пытаюсь напоить, а у него сил нет глотать, вода стекает по подбородку, почти ничего не остается во рту.

Закусив губу, чтобы не разрыдаться, тянусь к сумке. В таких условиях приходится как-то выкручиваться. Это в обычной жизни мы рабы цивилизации, а здесь просто люди, которые хотят выжить.

Распаковываю салфетку для перевязки, благо они у меня

есть, наугад все закидывала в сумку, когда собирались бежать. Смачиваю водой и медленно обвожу потрескавшиеся от жары и температуры губы, чтобы капли попадали в рот. Для Юрки жара губительна. Не люблю холод, но сейчас я бы ему была рада. Брат успокаивается спустя несколько минут, вновь проваливается в беспамятство.

Ребята о чем-то негромко переговариваются в углу. Пробую прислушаться, но они настолько тихо ведут беседу, что я не могу разобрать ни слова. Замечаю их взгляды, которые они бросают в мою сторону. Становится отчего-то неуютно. Наверху вечереет, в подвале становится все темнее. Осознаю, что одна я тут осталась среди трех малознакомых мне мужчин. Пусть и истощенные пленом, но они мужчины, одной мне с ними не справиться...

Откуда вообще такие мысли лезут в голову? Я ведь их в плену подкармливала, воду носила...

С другой стороны, они, возможно, разделяют мнение Севера, что я враг. Мало ли, что я не давала им умереть в плену, по факту для них я все равно враг. Это они выжили и попали к моджахедам, а ведь ребята из их отряда погибли...

Когда смерть дышит в спину, у людей часто появляется озлобленность на злодейку-судьбу. Просыпаются низменные инстинкты, добавим к ним агрессию...

А без лидера эта свора диких животных на многое может решиться...

Глава 14

Аврора

Сердце от страха начинает заходиться. Хочется спрятаться, а куда? Смотрю на проем, а сама думаю: ну и куда я побегу? Как брошу Юрку? Они его добьют, а меня изнасилуют...

От одной мысли становится плохо. К горлу подкатывает тошнота...

— Аврора, ты чем занималась, когда жила в России? — подсаживается ко мне Олег, отрезая путь к выходу. Он самый высокий и крепкий из них.

— Училась в университете, — говорить совсем не хочется, но, наверное, есть смысл потянуть время. Хотя кто меня здесь спасет?

— У тебя очень красивые глаза, — продолжает Олег. С другой стороны подсаживается Витал.

— Нам ты свое лицо не хочешь показать? Очень интересно посмотреть на девушку с такими красивыми глазами, — произносит он, заглядывая мне в лицо. — Пока не сильно стемнело, чтобы при встрече узнать смогли, — последняя фраза остается для меня загадкой, я от страха что-то плохо соображаю.

— Что вы задумали? — глазами ищу оружие, будто оно может меня спасти.

— Стоп-стоп, — поднимает руки вверх Витал. — Ты о

чем подумала, Аврора? — видимо, расслышал в моем голосе страх. Я-то себя совсем не слышу из-за стука крови в голове.

— Мы не обидим женщину, тем более тебя. Думаешь, забыли, что ты нам каждый день в плену еду украдкой носила, рискуя своей жизнью? — опускает руки, смотрит с укором. Мои мысли, видимо, оскорбили парней.

— Мы обсуждали, что кинул нас командир, — потрянув головой, подключается Олег. — Вот решаем, как выбираться будем... — остается ощущение, что он недоговаривает.

— Есть какие-то предложения? — я никуда не хочу двигаться, пока не вернется Тарик. Надеюсь, что он вернется, и очень скоро.

— Кто он тебе? — спрашивает Владимир.

— Друг, — я до последнего не хочу признаваться, что мы брат и сестра.

— Его мы на себе не унесем, — печально качая головой, кивает в сторону Юры. Я и сама это понимаю, носилки смастерить не из чего. Да и как его по песку нести? Нужно ждать машину. — Тебя здесь одну бросать не хотим, — продолжает Олег. Внутри меня образуется пустота, понимаю, что они решили не ждать.

— Я его не оставляю, — мотаю головой. Мне страшно оставаться с Юркой только вдвоем. А если с ним что-нибудь случится? Ком встает в горле. — А Владимир? — перевожу с надеждой взгляд на парня.

— С темнотой нужно двигаться отсюда, — говорит Витал.

— Мы и так ограничены в передвижениях, если зря будем сидеть, все погибнем от обезвоживания и голода. Владимир с нами пойдет, ты остаешься?

Мне даже ответить нечего. Как представлю, что останусь одна, с Юркой на руках, где-то в чужой стране, среди развалин...

— Может, на наших выйдем, тогда быстро пришьем за вами помощь, — говорит Витал. — Мы не хотим тебя здесь оставлять, Аврора. Давай с нами?

Так страшно оставаться. Смотрю на Юрку, на глаза наворачиваются слезы. Мне не было так страшно, когда мы попали в лагерь к моджахедам, когда каждый день ходила по острому лезвию бритвы, воруя с кухни еду для пленных, когда в любой момент могла проколоться и оказаться поставленной к стенке.

— Нельзя ее тут одну оставлять, — подает голос Владимир, у меня от благодарности к нему тихие слезы срываются с глаз, закусываю губу, чтобы не всхлипнуть. — Вы за помощью отправляйтесь, мы вас будем ждать, — произносит парень твердо.

В подвале совсем стемнело, но свечу никто не кидается искать в рюкзаке. Юрка стонет, нахожу его руку и сжимаю пальцы, это, к сожалению, все, что я сейчас могу сделать

— Уверен? — спрашивает Олег Владимира.

— Я остаюсь. Мое ранение будет замедлять ваш ход, а тут я пригожусь. Девочку нашу в случае чего защитить смогу.

Вам желаю добраться до наших, — жмет руки своим друзьям. Глаза привыкли к темноте, я даже лица парней различаю. Слезы все еще текут из глаз, пропитывая никаб. Соленая влага щиплет кожу. Снимаю его с головы, наконец-то кожа может спокойно дышать. Парни удивлены. Они тоже могут видеть в темноте, но все-таки кто-то из них зажигает спичку, Олег присвистнул, взглянув на меня.

— Красавица! Такую увидишь, век не забудешь. Бог даст, свидимся, Аврора, — ребята делают комплименты, мне приятно.

Приятно почувствовать себя красивой девушкой даже в таких условиях. Увидеть мужское восхищение во взгляде. Сняла я никаб не ради комплиментов. Я действительно буду рада, если мы свидимся, и они меня узнают.

Выбравшись наверх, я отметила, что на улице еще не так темно. Страшно отпускать ребят. Вместе как-то надежнее было.

Прощались мы, тепло обнявшись. Поделили воду и продукты. Им бы пару дней отсидеться, сил набраться, но парни все решили, и никакие мои уговоры не могли их остановить.

С Вовой мы вернулись в подвал, зажгли свечи, которые отыскиали в рюкзаке при полной темноте.

— Ты ложись, отдохни, а я возле него подежурю, — произносит Владимир. Присев возле свечи, он сам обрабатывал свою рану, отказавшись от помощи.

Я соглашаюсь на предложение, потому что глаза давно уже

слипаются. Последние дни я толком и не спала. Привалившись к стене, закрываю глаза.

— Аврора, Аврора, вставай! — толкая меня в плечо, кричит Владимир. Как только я открываю глаза, он пальцами тушит фитиль догорающей свечи. Ничего не видно, в полной темноте он негромко добавляет: — Кто-то едет, слышишь шум двигателя?..

Глава 15

Аврора

Прислушиваюсь. Действительно шум двигателя. Мое сердце скатывается в пятки.

— Прячься у стены, — командует Владимир. Как в полной темноте сориентироваться, у какой из четырех стен прятаться? — Сюда, — хватает за руку и куда-то тянет. — Я у постели Юрки сижу, не дам ему застонать.

Владимир куда-то его перетаскивает, распознаю характерные звуки.

— Только не задуши его, — тихо произношу, хотя меня никто не может услышать.

— Никаб надень, — произносит Владимир.

— Он где-то среди вещей, — в этой темноте белую тряпку не найдешь, а черную и подавно. Да и не хочу я его надевать, если умирать, то со своим лицом и вероисповеданием.

Кажется, что шум двигателя не просто приближается, машина целенаправленно движется в нашу сторону.

Этого ведь не может быть? Неужели ребят успели поймать, и они нас сдали? Сколько прошло часов, как они ушли? Два, три, четыре? Тело дрожит, как в лихорадке. Моджахеды обычно не церемонятся, забрасывают подвалы гранатами, а потом заходят зачищать.

Страшно умирать...

Папа останется совсем один. Как переживет гибель сразу обоих детей? Прикрыв двумя ладонками рот, сжимаю изо всех сил, чтобы не всхлипнуть. Мысленно обращаюсь к богу с просьбой: пусть машина проедет мимо нас. Раздается визг тормозов совсем рядом. Лихорадочно продолжаю молиться, хотя понятно, что сегодня бог меня не слышит...

Ребята нас предали! Владимир передергивает затвор автомата. В темноте стараюсь нащупать второй автомат. Хватит ли мне силы воли нажать на курок?

— Олег!.. Владимир! — не сразу узнаю голос Багирова, переволновалась.

— Мы здесь, — отвечает Владимир.

Не могу поверить, что Север здесь. Где он раздобыл автомобиль? Как это вообще возможно? Неужели встретил наших бойцов? Ладно, все вопросы потом, главное, что сегодня мы не умрем. От чувства облегчения слезы вновь накапывают на глаза.

— Я спускаюсь, автоматы на предохранитель! — звучит властно и жестко. Владимир выполняет приказ, а я свой автомат до сих пор нащупать не смогла, поэтому просто сижу и пялюсь в черный проход. Сначала вижу свет фонаря, за ним крупную знакомую фигуру.

Багиров спускается, медленно обводит пространство лучом света. Никак не реагирует, что я без никаба, даже на мгновение свет фонаря не задерживает на моем лице.

— Где остальные? — даже Юрка в себя пришел и застонал

от его угрожающего рыка. Я головой к стене приложилась, когда вздрогнула.

— Мы думали, что ты нас бросил... — смущаясь, признается Владимир.

— Вы думали?! Чем? Вам голова дана, чтобы в нее есть, думать там нечем! — Багиров не кричит, но лучше бы он орал. Своим холодным презрительным голосом размазывает нас по стенам. — Что мне теперь прикажете делать: раненых спасать или искать живых идиотов?

Интересно, только у меня возникает желание слиться со стеной?

— Неоправданное геройство ни к чему хорошему не приводит! Свети, — кидает телефон Владимиру, сам подходит к Юрке, закидывает брата на плечо. — Надень никаб, — бросает мне, прежде чем подняться с братом на поверхность.

Зажигаю свечу, нахожу никаб. Владимир хромает за Севером. Раздается хлопок багажника, наверное, туда засунули брата. Быстро собираю весь скарб, убираю за собой даже мусор. Багиров спускается, отбирает у меня рюкзак, который я пыталась закинуть себе на плечо.

— Пока не доберемся до места назначения, никаб не снимай, потом я не хочу его на тебе видеть, — совсем неожиданно звучит. Я как рыба: рот открываю, а ни звука произнести не могу. — Сходи в туалет, я не знаю, сколько часов мы будем в дороге, возможности уединиться может не быть.

— Я не хочу, — смущаясь и краснея. На самом деле давно

хочу и терплю, не мог ведь Багиров этого понять?

— Свечу затушить не забудь, мы тебя в машине подождем, — пропускает мимо ушей мой смущенный лепет.

Быстро справив нужду, тушу свечу и в полной темноте выбираюсь наружу. Небо ясное, звездное. Луна светит.

— Назад садись, — командует Багиров, открывая дверь.

— Тарик! — радостный крик срывается с губ, когда я вижу на переднем пассажирском сиденье друга.

— Не кричи, пчелка, — стонет он. Пчелкой Тарик меня прозвал из-за моей работоспособности. Первое время я работала на износ, мне хотелось всем помочь и всех спасти...

— Что с тобой? — намного тише интересуюсь я. Тарик ведь не просто так не вышел из машины.

— Дали прикладом по голове, у него сотрясение, — садясь за руль, сухо поясняет Багиров. — Он недавно пришел в себя. Молитесь, чтобы опять не потерял сознание, без него сложно будет отсюда выбраться.

— Нужно Олега и Витала найти, — вмешивается Владимир.

— Ездить, сигналить и звать их на русском? — обдает злой холодной иронией. Ничего больше не добавляет, заводит мотор и трогается...

Глава 16

Аврора

Ночь – удивительное время суток, она скрадывает страшные картины разрушений, любые отголоски войны. За стеклом автомобиля непроглядная темнота, хотя светит луна, и горят звезды. Кажется, что вокруг бескрайние пески с редкой растительностью, на самом деле тут полно разрушенных под основание строений. Когда-то здесь жили люди, вели хозяйство и растили детей. Грустно и больно наблюдать разруху...

В салоне повисла напряженная тишина. Никто не спешил первым нарушить ее. Каждый думал о своем. Я о Юрке переживала. Сколько мы уже едем? Двадцать минут? Тридцать? Сорок? А он еще ни одного звука не издал. Может, я его просто не слышу? Машина не новая, вся шумит и трясется, как трактор.

Багиров напряжен. Все это время он ехал на «дальних», наматывал круги приблизительно в той зоне, куда могли успеть дойти Олег и Виталий. Останавливался, выходил и осматривал разрушенные дома. Безрезультатно. Мы все понимали, что поиски вряд ли к чему-то приведут. Кричать и звать их по-русски было опасно. Из какой щели могут выползти моджахеды, сложно предсказать. Здесь всегда нужно быть осторожным, даже в той части, где нет боевиков. Кто

может оказаться родственником или осведомителем, никогда не узнаешь.

Наблюдая за тревогой мужчин, я сожалела, что поддалась панике и отпустила их. Могла ведь задержать, отговорить от опрометчивого шага. Багировы не изменяют своим принципам и убеждениям. Настоящие офицеры до мозга костей.

— Нужно отсюда выбираться, — едва слышно произносит Тарик на английском. — Если не успеем проскочить до темноты, нужно будет искать место, где сможем спрятаться. Ближе к большим населенным пунктам это будет сделать сложнее. В округе кругом их посты, в городах и селах каждая вторая собака — люди боевиков. Да и машину сразу опознают, будут задавать вопросы.

— Здесь еще посмотрю, — притормаживает Север у относительно большого разрушенного здания. Владимир напряжен. Он готов идти искать друзей, но понимает, что его ранение будет нас задерживать. Действие обезболивающего уже давно прошло, теперь приходится терпеть боль.

— Тарик, ты как? — высовываюсь вперед между сиденьями, чтобы взглянуть на друга, как только Мирон покидает салон, громко хлопнув дверью.

— Нормально, голова только болит, — силится улыбнуться, но выходит гримаса боли.

— Кто ударил тебя по голове? Откуда у вас машина? Где вы вообще были? — спрашиваю друга. Мне хочется знать, что с ними произошло за то время, пока их не было. Ведь

произошло что-то, раз мой друг находится в полуобморочном состоянии.

— Пчелка, не жужжи так громко. Столько вопросов, столько вопросов...

— Тарик, я хочу знать, что произошло, — не собираюсь сдаваться. Я за эти часы чуть с ума не сошла, такого себе представляла, что наверняка обзавелась седыми прядями.

— Что произошло? — хмыкает друг. — Ну, что произошло, — тянет он задумчиво. — Этот твой русский — настоящий псих, вот что произошло, — бурчит друг. После его слов закрадываются нехорошие подозрения.

— А можно поподробнее, Тарик? — пихнув друга в плечо. Застонав, он хватается за голову. Ох, блин, забыла, что он ранен. С другой стороны, нечего интриговать, когда мы все на нервах. — Он не мой русский, — добавляю раздраженно. — Прости.

— Аврора, тебе обязательно выяснять это прямо сейчас? — бурчит друг, вглядываясь в темноту за лобовым стеклом.

— Да, обязательно. Мирон вошел в здание, его пока не видно, рассказывай, — поторапливаю его.

— Тогда еще раз скажу, что он псих, — обернувшись ко мне. — Я реально его боюсь.

Насколько я поняла, Владимир не владеет английским, наверное, это к лучшему. Поговорим без свидетелей. Не знаю, что мне сейчас расскажет Тарик, но при допросе, который последует после того, как мы все вернемся, будет луч-

ше, если он ничего не расскажет. Командованию не обо всем нужно знать.

— Меня остановили моджахеды, когда я направлялся в город. Надо было спрятаться, когда увидел их машину, — зло мотнув головой. Но тут же стонет, хватаясь за голову. Забыл о сотрясении. — Они хотели меня убить, — смотрит на меня, ища поддержки во взгляде, но я что-то неспособна сегодня на поддержку. Там, в багажнике, умирает мой брат, все мысли только о нем. Устала я очень. — Чтобы спасти свою жизнь и иметь возможность привести помощь, — вздыхая, продолжает друг, — пришлось сказать, что я знаю, где находятся пленные...

Что-то мне не нравится его последнее предложение. Мне уже не так жалко его дурную голову. Сказать, что пленные выжили, все равно что спустить на нас всех собак...

Глава 17

Аврора

— Тарик, тебя по голове ударили до того, как ты это сказал, или после? — хочу понять глубину его идиотизма. Если мне не понравится ответ друга, я ведь могу и добавить!

— Давай ты меня дослушаешь? — злится друг.

— Тарик, ты понимаешь, что нас теперь в округе будет искать каждая собака! Как ты мог упомянуть пленных? — вскрикиваю я, меня просто захлестывают эмоции.

— Никто не будет искать, этот русский не оставил никого в живых, — всплескивает эмоционально руками.

Мне не нравится выражение «этот русский», задевает какие-то неведомые струны внутри, я в этих словах вижу неуважение. Хотелось бы ошибаться, но...

— Рассказывай! — пихаю его в плечо.

— К вам бы я их не привел, поводил бы кругами, а когда они успокоились, попытался бы договориться, чтобы они отвезли меня в город. Если бы они меня убили, вы остались бы без поддержки, я ведь не знал, что этот... — кивает на место водителя, — ...все это время за мной шел.

— Тарик, ты идиот?! Думаешь, они бы сдались и перестали нас искать? Ты меня разочаровываешь, — как же хочется еще раз двинуть ему. Озлобленные и злые, моджахеды ищут, кому отомстить за ночные налеты, а тут такая информация.

— Что было дальше, Тарик? — меня внутри бомбило и разрывало от злости на друга.

— Дальше, — задумавшись на мгновение. — Подняли с колен и потребовали показать место, где вы прячетесь, но я собирался их к лагерю отвести, сказать, что видел, как перебегали минные поля.

— Они ведь не идиоты, Тарик. Поняли бы, что ты их за нос водишь, там бы тебя и пристрелили. Ничего лучше придумать не мог?

— Не очень думается, когда к твоей голове дуло автомата приставлено, — бросая возмущенный взгляд на меня.

— А дальше что было? — пока не вернулся Север, хотелось выпытать все.

— Русский появился из песка, как какой-то Рембо или машина для убийств. Это было то еще зрелище. Представляешь, в каком шоке были шахиды, когда здоровый мужик в натовской форме вырвался из-под земли и начал по ним палить? — его удивленные глаза до сих пор отображали шок от увиденного, но мне кажется, что Тарик преувеличивает. У страха глаза велики. — Я только и успел, что спрятать голову в песок, как начался стрелковый бой.

Так и хочется пошутить, что он теперь посвящен в страусы. Может собой гордиться.

— Снял вначале пулеметчика, — продолжал между тем Тарик.

— И? — поторопила, когда он замолчал, всматриваясь в

темноту за окном.

— Что «и»? Он быстро уложил всех остальных, иначе бы нас здесь не было, — начинает друг раздражаться моему допросу.

— Почему вас не было так долго? — события, пересказанные Тариком, не могли занять столько времени. Юрка не зря называл меня «дотошной».

— Потому что псих решил спрятать трупы так, чтобы их не нашли.

— Тарик, почему ты его психом называешь? — мне не нравится, что он оскорбляет Севера, но может, я чего-то не знаю?

— А ты знаешь хоть одного нормального, кто пойдет против четырех вооруженных до зубов моджахедов, один из которых сидит за пулеметом? Его даже пули боялись, ни одна не задела, — понижая голос. Лучше пусть называет Севера психом, чем шайтаном. Они тут верят в злых духов.

— Это все, Тарик? — поспешила перевести тему, пока не подумал о том же, о чем и я.

— Потом он машину от крови отмывал на озере. Топлива в баке почти не было, нашел в какой-то деревне бензин и выменял его с моей помощью на автомат. Заявил, что такому трусу, как я, оружие только мешает, — все это Тарик производил быстро, не скрывая злости, обиды и раздражения.

— Почему он тебя трусом назвал? — я сама понимала, что увлеклась допросом, но мне не хотелось дальнейшего кон-

фликта между мужчинами, от которых зависят наши жизни.
— Он ведь не говорит на арабском?

— Я сам ему рассказал, что упомянул пленных, когда меня хотели расстрелять. За что и получил прикладом по голове, — указывает на арафатку, обмотанную вокруг головы.

— Это он тебя? — удивилась, но не посочувствовала.

— Я так и сказал.

— Их здесь нет, больше мы задерживаться не можем, — резко открывается дверь внедорожника. Вздвогнув от испуга, возвращаюсь на свое место. Едем в город...

Глава 18

Аврора

— Что рассказал Тарик? — потянувшись ко мне, негромко интересуется Владимир.

— Потом, — шепнула в ответ.

Машина громко гудит, но обсуждать Севера опасаясь, он может услышать. Не хочу, чтобы он подумал, что мы обсуждаем его за спиной. Мне стоит переварить услышанное и решить, чем можно поделиться. Не хочу, чтобы Владимир подзревал Тарика в предательстве. Я зла на друга, но не желаю ему быть пристукнутым в тихой подворотне. А это может произойти, если гуманитарные организации и военные, сотрудничающие с нами, узнают, что он не умеет держать язык за зубами.

Наша короткая беседа не осталась незамеченной. Чувствую на себе взгляд Севера, кожа покрывается мурашками, и это никак не связано с прохладным воздухом, летящим мне в лицо через открытое окно. Пусть в темноте я не могу видеть лица полковника, но я знаю, что он следит за нами в зеркало заднего вида.

Едем долго. Практически в тишине, слушая лишь гул мотора. Багиров напряжен, и это чувствуется, все понимают, что в любой момент нас могут остановить или начать преследовать. Мы словно движемся над обрывом по тонкой лес-

ке, которая в любой момент может оборваться. Неприятное чувство. Юрка без сознания, как бы я ни прислушивалась, не слышала за все это время ни единого стога. Остается только молиться, чтобы он не умер.

Небо начинает светлеть, ранние рассветы в это время года играют против нас. Тарик с Севером переговариваются короткими фразами. Друг подсказывает, как лучше и безопаснее объехать тот или иной населенный пункт, миновать выставленные посты и укрепайоны. Один раз останавливаемся, Север заливает канистру бензина, что стояла у ног Тарика. Еще один повод переживать – вдруг не хватит бензина? Эта машина наверняка много жрет.

Когда вдали открывается вид на город, Тарик произносит: — Машину нужно спрятать, на ней мы не сможем проехать. Такой автомобиль обязательно проверят на постах.

— Где лучше ее спрятать? — сухо интересуется Север, не отвлекаясь от дороги. Хотя он просто о чем-то думает, ведь вокруг ни одной живой души, ни машины, ни столба, ни даже дерева, с которым можно было бы столкнуться.

— Впереди повернешь направо, — указывает Тарик дорогу. — Там деревня, сейчас в ней почти никто не живет, но есть несколько знакомых стариков, которые отказались покидать свои дома. Они нам помогут, — уверенно произнес друг. Я молилась, чтобы он не ошибся.

До деревни, которая находилась внизу склона, мы добрались быстро. Солнце, приветствуя новый день, уже взошло

над горизонтом. Тарик не солгал, деревня выглядела заброшенной. Люди покинули свои дома.

— Здесь останови, — указал на некрашенный забор и покосившиеся невысокие ворота.

Мы сидели в машине и наблюдали, как Тарик здоровается со стариком, который, не страшась, показался из дома, как только мы остановились. Они о чем-то недолго переговаривались.

— Можно на несколько дней оставить машину в соседнем гараже, — открывая дверь, произнес друг. — Дом заброшен, там никто не живет. Моджахеды периодически навещают деревню, ищут, чем поживиться, лучше будет, если мы не станем подставлять жителей. Здесь через несколько домов есть оставленный старый автомобиль, если его завести, мы могли бы отвезти раненых в город, там у меня живет дядя, он поможет с врачом, — быстро тараторит Тарик, его акцент становится слишком заметен.

Следующий час уходит на то, чтобы спрятать военный внедорожник, найти в заброшенных домах старую мужскую одежду. Юрку помогает переодеть Север. Он стонет от боли, но я так рада этим стонам, что слезы тихо капают из глаз. Только бы успеть.

Север настолько крупный, что найти хоть что-то подходящее не удастся. Единственное решение, которое приходит нам в голову, это спрятать его лицо под арафаткой.

Юрка опять отправляется в багажник, за руль садится Та-

рик, рядом с ним Владимир. После того, как он столько времени провел под палящим солнцем, его кожа выглядит темнее, чем у местных. В сирийской одежде он не должен вызывать подозрений. Север отправляется со мной назад, чтобы не привлекать своей внушительной тушей ненужное нам внимание. Город сейчас находится под контролем игиловцев, нам нужно в него попасть, чтобы спасти брата. Осталось только миновать посты...

Всю дорогу я молюсь, чтобы нас не остановили. У поста небольшая колонна, заглядывая внутрь, автоматчики задают вопросы, а потом пропускают местных жителей. Север съезжает чуть ниже на сиденье, чтобы казаться меньше.

«Пропустите... Только не останавливайте...», — повторяю про себя в тысячный раз. От страха ладони ледяные, а сердце готово выпрыгнуть из груди.

Тарик с ними о чем-то переговаривается, ведет себя уверенно, но, заглядывая к нам, они что-то подозревают, требует съехать на обочину и выйти из машины...

Глава 19

Аврора

Мое сердце заходится от страха, ладони вспотели, хотя руки ледяные. Пока Тарик с ними разговаривает, активно жестикулируя, меня начинает трясти. Я понимаю, что они требуют от него чего-то невозможного. Догадываюсь чего. Тарик вынужден уступить. Они вместе обходят машину, останавливаются возле багажника. Я с такой силой сжимаю руками бедра, что там останутся синяки. Мне нужна эта боль, чтобы не сойти с ума от страха. Оборачиваюсь, посматриваю через плечо назад. Тарик бьет по крышке багажника, продолжает что-то объяснять. Если они ему даже поверят, что замок не открывается, то своим шумом он приведет в чувство Юрку, брат начнет стонать.

— Смотри вперед, — командует Мирон. — Ты выдаешь нас, — ровным голосом. Как он может быть таким спокойным?

— Сейчас они обнаружат Юрку... а потом... — задыхаюсь, не могу договорить.

— Успокойся, у тебя сейчас случится приступ, — Север отнимает мои сведенные пальцы от бедра, медленно начинает массировать. — Смотри на меня, — жестким приказным голосом. Отнимает вторую руку, разминает теперь обе ладони, массирует пальцы. У него такие большие, сильные

руки...

В это время происходит взрыв в нескольких десятках метров, а Север от меня даже взгляда не отвел. Несильный хлопок, но его достаточно, чтобы навести панику на пропускном пункте. Выстрелы в воздух одного из боевиков сеют еще больший хаос. Бьются машины, в разные стороны кидаются люди. Кругом крик! В суматохе Тарик возвращается за руль нашего старого автомобиля, давит на газ и срывается с места. Моджахедам не до нас, тут толпа рвется в город, им приходится прилагать силы, чтобы остановить их, выяснить, кто совершил теракт.

— Сбавь скорость, не привлекай к нам внимания, — на английском обращается Север к Тарику. — Ты меня не слышишь! — практически не повышая голоса, но от его тона меня сковывает холодом. Позывной ему дали не просто так.

— Почему ты не нажал на эту кнопку сразу?! — бьет по рулю Тарик несколько раз. — Я думал, бомба не сработала! — друг перенервничал, мне кажется, он в шаге от того, чтобы не зарыдать.

— Я не терплю бабских истерик, а ты вроде мужик, — равнодушно произносит Мирон, откидывает голову назад, прикрывая глаза.

Тарик, словно подзатыльник получил или его холодной водой окатили, а может, вспомнил про приклад автомата, но факт налицо, он взял себя в руки и замолчал.

Владимир все это время молча волновался и терпел боль.

Как только мы отдалились от места взрыва, он громко застонал, хватаясь за ногу.

— Потерпи немного, мы скоро приедем, — сама дрожу, но парня стараюсь поддержать. Никто на мои слова не обратил внимания. Даже Владимир ничего не сказал.

Я все еще прихожу в себя. Не могу поверить, что взрыв на КПП устроили мы. Как? Как и когда он все это организовал? Он вообще человек? Для него жизнь — это что, шахматная доска, где он управляет фигурами, просчитывая на двадцать ходов вперед?

Вспоминаю, что, когда мы стояли в очереди, Тарик выходил из машины, выкидывал тару из-под воды, еще какой-то мусор, непонятно откуда появившийся. Видимо, в тот момент они на всякий случай оставили радиоуправляемую взрывчатку с небольшим зарядом, только чтобы навести панику. Но ведь там могут быть раненые...

Не думать о плохом...

Не думать...

Я почти не обижаюсь, что меня оставили в неведении, не посвятили в свои планы, главное ведь, что мы выбрались!

Ехали мы еще минут двадцать, город местами сильно пострадал, но большинство жителей, видимо, остались в своих домах. Когда наша старая тарактушка, которую и машиной сложно назвать, останавливается у высоких ворот частного богатого дома, у меня в голове сразу появляется мысль: нам здесь не откроют.

Но мои опасения оказываются напрасными, Тарик смотрит в камеры, и ворота начинают отъезжать в сторону.

— Кто здесь живет? — спрашиваю Тарика, когда он возвращается. Друг напряжен, и мне становится не по себе.

— Здесь живет мой дядя, — нервно отвечает он. Кошусь на Севера, пытаюсь понять, доверяет он Тарику или нет, не ждет ли нас здесь какая-нибудь подстава?

— Прекращай, — строго произносит Мирон.

— Что прекращать? — я ведь ничего не сказала.

— Волноваться и громко думать. Если он нас предал, первым получит пулю в лоб, — вторую фразу Север произносит на английском специально для Тарика.

Осматриваюсь по сторонам, к нам навстречу выходят несколько мужиков в традиционной одежде с автоматами в руках, не могу сказать, что они рады нас видеть...

Глава 20

Север

Если «свои» узнают, что она помогает спасать русских офицеров, ее первой расстреляют. Шахидка, которая ведет себя как простая русская девчонка. Странная шахидка...

Чем дольше наблюдал за Тариком и Авророй, тем крепче становилось убеждение, что они не муж и жена. Не доигрывают они. Нужно будет разобраться, кто они такие на самом деле. Есть подозрение, что они как-то связаны с Каручаевым. Вряд ли она русская шпионка...

Мы подъезжаем к воротам дома дяди Тарика. Аврора трясется. Девчонка после взрыва еще не пришла в себя. Я запретил сообщать ей о взрыве, мне не хотелось наблюдать за ее волнением всю дорогу, слушать ее рассуждения и успокаивать надуманные страхи.

Девчонка и так отвлекала постоянно, а мне нужна холодная голова, чтобы всех нас вытащить из этой передрыги. Она до сих пор тряслась от страха, но мне некогда было ее успокаивать. Хотелось прижать к себе, почувствовать ее теплое ласковое тело...

Не получилось расхотеть шахидку!

Резко обрываю поток мыслей. Говорю же, отвлекает. Даже никаб не спасает! Лучше бы она его не снимала! Надежда, что она окажется некрасивой, сдохла в том подвале. Подо-

зревал ведь, что она смазливая...

Рука дрогнула, когда я обводил фонарем помещение и увидел ее лицо. Словно удар под дых получил. Ее большие голубого цвета глаза заиграли новой жизнью на фоне красивого лица: идеальная форма, подчеркнутые скулы, темные брови вразлет, прямой, чуть вздернутый нос и губы... созданные, чтобы их целовали.

Опять меня заносит. Тряхнув головой, возвращаюсь в реальность. Во двор высыпает группа сирийцев. Дядька у Тарика богатый, ко всем благам прилагается охрана, вооруженная до зубов. На всякий случай достаю из-под сиденья автомат, снимаю с предохранителя. Владимир делает то же самое. Хотя кто-то в нашем отряде заслуживает моего уважения.

Не к месту вспоминаю Олега и Виталия. Лучше им не попадаться мне на глаза! Бросили девчонку с двумя ранеными, пошли туда, не знаю куда! Героизм решили проявить? Идиотизм это, а не героизм! Найду живыми, отвезу в Арктику, раздену догола и заставлю стоять на морозе. Видимо, сирийское солнце им мозги совсем расплавил, нужно их остудить.

Наблюдаю через лобовое, как, активно жестикулируя, Тарик что-то говорит самому старшему из мужчин. С виду никто и не догадается, что каждая моя клетка напряжена до предела. Рисковый поступок – привезти Кручаева в стан врага, остается только ждать и наблюдать, что из этого всего получится.

Аврора кидает на меня украдкой взгляды, пытается понять, все ли в порядке. Сейчас мне некогда ее успокаивать.

— Дядя хочет поговорить с тобой, — произносит Тарик, утирая пот с лица рукавом. — Автомат оставь в машине, — негромко добавляет он. Не спешу выполнять «просьбу» сирийца. Внимательно наблюдаю за людьми, которые стоят во дворе. Время идет, напряжение растет. Нервничают все. — Ты идешь?

— Мирон, давай уедем отсюда? — первой сдают нервы у Авроры.

— Идем, — выбираюсь из машины. — Стрелять умеешь? — наклонившись в салон, спрашиваю шахидку.

— Немного.

— Пристрели своего мужа, если он окажется предателем, — ухмыльнувшись. До Авроры доходит, что они с Тариком выдали себя с головой. Легенда, что они муж и жена, только что превратилась в тлен.

— Что ты можешь мне предложить за спасение ваших жизней? — не стал ходить вокруг да около, сразу в лоб спрашивает Иссам.

— Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, ты можешь быть уверен, что получишь ее, — предлагаю дружбу. — Но если этого мало, назови свою цену.

— Мне надо подумать, — произносит он. Мужик эмоциональный, но, уловив мое холодное спокойствие, подстраивается под мой тон.

— У нас в багажнике тяжело раненый. Ему нужен врач — и как можно скорее, договориться мы всегда успеем, — его удивляет мой напор, сузив глаза, принимается более внимательно меня рассматривать.

Вряд ли ты настолько проницателен, чтобы считать меня...

— Раненого занесите в дом, — кивает в сторону низкого строения. — Мой человек его осмотрит.

— У нас двое раненых, дядя. Второй человек ранен в ногу, его тоже нужно прооперировать, — вмешивается в наш разговор Тарик, специально ради меня продолжает говорить на английском.

— Его тоже в дом... — задерживает дыхание, хмурится, когда замечает, что из-под платка Тарика по лицу катится красная капля пота. Он кричит что-то на арабском, я догадываюсь, что Иссам пытается выяснить, откуда у племянника ранение в голову...

Глава 21

Аврора

Сложно наблюдать за эмоциональным разговором мужчин, особенно когда не понимаешь или не слышишь, о чем идет речь. Вновь повышенный тон, эмоции. Лишь полковник стоит со спокойным лицом, будто ничего необычного не происходит. Сложно ориентироваться по нечитаемому выражению его лица. Непонятно, стоит нервничать и переживать или не стоит.

Из багажника доносится слабый стон брата. Я представляю, как ему там жарко. С ранением находиться в таких условиях – вызов смерти. Его рана, наверное, гноится, а я ничего не могу сделать.

— Юра, тебе скоро помогут, потерпи, родной, — смагивая горькие слезы. — Все будет хорошо. Все будет хорошо... Нужно только немного подождать, — приговаривала я, притиснув лицо к прорехе в сиденье. Жара даже в салоне была невыносимой, представляю, что сейчас происходит с ним в багажнике, а у него еще температура.

Невыносимо ощущать беспомощность. В чужой стране, где идет война, где ты не знаешь, кто враг, а кто друг, ты боишься просить и молить о помощи. Дома я могла бы требовать, кричать, чтобы Юре оказали помощь, а тут мне остается только наблюдать, глотая горькие слезы.

Пытаясь разглядеть хоть что-то через сломанное сиденье, я пропустила момент, когда крики стихли. Вздрогнула от того, что открылся багажник. Мужчина, заглянув внутрь, принялся кричать в приказном тоне. Тут же появились люди с носилками. Тихонько выбравшись из машины, я наблюдала, как достают моего брата, перекладывают на носилки и куда-то уносят, тихо переговариваясь.

Надеюсь, там хотя бы прохладно, там окажут ему помощь...

— Не реви, не нужно здесь никому знать, что ты привязана к Каручаеву, — негромко произнес Багиров, почти не открывая рта.

Наверное, он был прав. Демонстрировать излишнюю обеспокоенность — давать повод для манипуляций. Мы ведь не знаем этих людей. Просто Северу меня не понять, будь на носилках его брат...

Обрываю свою мысль, потому что точно знаю, он вел бы себя так же спокойно и невозмутимо.

— Ему приведут врача? — очень тихо спрашиваю я. Север не отвечает. Открывает дверь перед Владимиром, кивает, чтобы он выходил. Допрыгать в дом на одной ноге ему помогает Тарик.

Мы с Севером и, видимо, дядей Тарика остаемся во дворе.

— Раненых сейчас осмотрят, я послал за хирургом своего человека, — поясняет нам на английском свои действия. — Этот человек нас не выдаст, я могу ему доверять, как се-

бе, вы можете пока подождать в том доме, — указывает на отдельное, самое непримечательное строение относительно особняка и других пристроек.

Как выяснилось позже, это домик охраны. В большой комнате, куда нас пригласили, стоял большой диван, стол со стульями и несколько кресел. Очень похоже на комнату отдыха.

— Здесь можно освежиться, — указал на небольшую дверь мужчина, который нас провожал. При посторонних я не решалась заговорить с Севером. Нас наверняка будут прослушивать, поэтому я даже не знала, как и о чем спросить, чтобы не навлечь на нас беду.

— Никаб не снимай, — шепнул Мирон, когда я отправилась немного освежиться.

Вернувшись в комнату минут через пятнадцать, обнаружила на столе поднос с едой, в графине — сок со льдом. Не притронувшись к еде, я подошла к окну. В это самое время во двор въехала машина, из которой вышли несколько мужчин, они спешно направлялись к основному дому.

Хоть бы это был врач!

— Приехали врачи, — словно в подтверждение моих молитв произнес Север, который в этот момент вернулся в комнату. — Аврора, тебе надо поесть, — трогая за руку.

— Я не хочу, — мотнув головой. Мне сейчас не до еды, замерев у окна, я готова была простоять так много часов, будто мое присутствие, мой взгляд хоть как-то могли помочь брату. Он всегда был моим защитником, очень часто полу-

чал от отца за мои проделки. Не хочу даже думать, что его может не стать...

Пожалуйста, заберите его в больницу!

— Аврора, нас будут информировать о ходе операции, — произнес Север. Он стоял за моей спиной, если я сделаю шаг назад, то прижмусь к его груди. Мне так хотелось сделать этот шаг, почувствовать его тепло... защиту...

— Разве больница где-то рядом? — удивленно.

— Прямо здесь. У Иссама — дяди твоего Тарика — здесь подпольные операционные. Я не знаю точно, чем они промышляют, и не собираюсь выяснять. Тебе тоже советую сделать вид, что ты ничего не поняла.

Холодок тревоги ползет по позвоночнику. Любая подпольная деятельность — всегда что-то опасное. Надеюсь, они спасут Юрку, и мы спокойно выберемся отсюда...

Глава 22

Аврора

Шесть часов ожидания.

Несмотря на то, что нас обещали держать в курсе событий, ничего не происходило. Никто ни разу не заглянул к нам. Даже Тарик остался в доме своего дяди. Он-то мог выйти и успокоить.

А если там все так плохо, что успокаивать просто нечем...

Отгоняя от себя дурные мысли, продолжала мысленно молиться.

Эти часы я провела у окна в ожидании. Ждала, что хоть кто-то появится и расскажет, как у моего брата дела. Когда его доставали из багажника, выглядел он плохо.

В главном доме кипела жизнь, выходили и заходили люди, к нам несколько раз заглядывала охрана, но никто не обмолвился ни словом. Моя тревога натыкалась на стену человеческого безразличия.

Багиров, откинувшись на спинку дивана, дремал, а может, просто давал отдохнуть мозгу и глазам, ведь не спал почти двое суток...

Каждый раз, когда кто-то входил, он открывал глаза. Немного отдохнув, Север медленно принялся обходить комнату, будто невзначай осматривая каждый угол.

— Нас слушают? — негромко спросила, догадываясь, что

он не просто так ходит по комнате.

— Нет, камеры пишут без звука, — твердо и уверенно. — Ты ведь понимаешь, что операция может занять много часов? — обратился ко мне, останавливаясь рядом. — Зачем себя мучить? В ногах правды нет, присядь и поешь, — кивнув на нетронутый поднос. Мирон только воды выпил со стола, к еде не притрагивался.

— Не хочу, — мотнув головой. Действительно не хотела. То ли нервы, то ли жара.

— Откуда ты знаешь Каручаева? — ожидаемый вопрос. Несмотря на ровный тон, я чувствую, как внимательно он следит за мной.

— Мы росли вместе, — глядя прямо ему в глаза. Я ведь не солгала.

— Вместе? — я не сомневаюсь, что информация его удивила, но он ничем это не показал. — Как твоя фамилия? — задает прямой опасный вопрос. Ему не терпится сложить из кусочков мозаики в своей голове полную картину. Одним из пазлов является информация, что я узнала Севера и мы росли вместе с Юркой. Осталось выяснить, где мы виделись. Ответ напрашивается сам собой — в нашем доме...

— Пусть это пока останется тайной, — отворачиваюсь и вновь утыкаюсь взглядом в окно.

— Ты дочь военного?

— Не похоже? — безопаснее отвечать вопросом на вопрос.

— Ты опять говоришь загадками, — холодно произносит Багиров.

— Я не готова ни в чем признаваться. А загадки... они не для тебя, я не хочу, чтобы ты их разгадывал, — складывая руки на груди, даже мое тело говорит: не лезь ко мне. — Я здесь оказалась против воли семьи, — специально не стала упоминать, что у меня есть только отец.

— Чем ты занималась здесь, в Сирии?

— Это вопрос? — хотя, наверное, я не была против этого вопроса, наш разговор помогал отвлечься, просто немного задевал властный, командирский тон. — Я развозила гуманитарную помощь, работала санитаркой в детском приемном отделении, помогала мыть и кормить детей, когда их доставляли из разрушенных деревень и городов.

— Зачем тебе это? — внимательно смотрит на меня, прожигает темным взглядом. Смотрю на него — и в солнечном плетении печет. Мужественный, сильный, красивый...

— Хотелось спасти всех... Верила, что смогу... — с безнадегой и грустью.

— Теперь не веришь? — не с издевкой, просто пытается понять, что я из себя представляю. Он анализирует мои ответы, в этом я даже не сомневаюсь. Выводы я вряд ли когда-нибудь узнаю.

— Теперь я понимаю, что не всесильна и могу помочь только ограниченному количеству людей. Осознаю, что смерть где-то рядом, практически дышит в спину. То, что я

до сих пор жива — чудо.

— Почему бы не выбрать более безопасную зону для гуманитарной помощи?

— Если бы все думали, как ты, кто бы приехал сюда? — не задумываясь.

Больше ничего не спросив, будто удовлетворившись ответами, Север вернулся на диван.

Когда спустя шесть часов во двор высунул нос Тарик, я готова была встряхнуть из него душу.

— У тебя совесть есть, как ты мог ни разу не заглянуть ко мне? — накинулась на него с обвинениями. Со стороны, наверное, мы впервые стали похожи на мужа и жену.

— Меня и сейчас не хотели отпускать. После осмотра выяснилось, что у меня сотрясение средней тяжести и небольшая гематома, — обвинительно смотрит на Севера. — Теперь придется отлеживаться три недели, — продолжает сверлить Багирова недовольным взглядом.

— Напомнить тебе, благодаря кому ты жив остался? — холодно интересуется Мирон.

— Не надо, — буркнув, отворачивается друг.

— Тарик, — хватаю за руку. Хотя физический контакт не приветствуется между мужчиной и женщиной, мне не до условностей. — Что с Юркой?

— С Владимиром все в порядке, будет скоро ходить и даже бегать, — я начинаю нервничать. Замечаю, что Тарик переводит тему.

— Как Юра? — потрянув его сильнее за руку.

Мнется, не хочет отвечать.

— Он в тяжелом состоянии, — глубоко вздохнув, выдает друг. — Пулю удалили, почистили рану... но пошло заражение. Сейчас все зависит от того, как справится его организм. Смогут остановить заражение или нет...

Меня качнуло, чтобы не упасть, схватилась за подоконник. Все настолько плохо....

— Это не все, — смотрит на меня. — Вы с Мироном не можете остаться здесь...

Глава 23

Север

— Что значит «мы не можем здесь остаться»? — Аврора не дает «мужу» договорить.

— Иссам уважаемый в городе человек, к нему постоянно приходят гости, новые люди будут вызывать вопросы, — нервничая, объясняет Тарик. — Пойдут разговоры... — тараторит он, старается заболтать Аврору.

Наверняка в этом доме происходит что-то незаконное...

Раненые не смогут путаться под ногами и задавать вопросы, не увидят то, что видеть не должны. Не сомневаюсь, что больничный блок с операционными находится в подвальных помещениях. Убрав меня отсюда, они смогут и дальше спокойно совершать свои незаконные сделки. Вопрос: почему нужно убрать отсюда Аврору? Ответ лежит на поверхности. Незаконное распределение гуманитарных грузов. Она не должна этого видеть. Хитрожопый жук, который стоит напротив нас, в этом деле тоже как-то замешан. Аврора не поняла, что нас не просто так хотят отсюда удалить. Наивная душа продолжает верить сирийцу, а я бы ему еще раз дал прикладом по голове, чтобы он рассказал всю правду.

— Почему твоя жена не может остаться в доме твоего дяди? — сдерживая ухмылку, перебиваю Тарика.

«Я знаю ответ на этот вопрос, — перевожу взгляд с Тарика

на Аврору. — А вы — нет. Будет интересно понаблюдать, как будете выкручиваться, семейная пара».

— Я...

— Мы...

Со скукой наблюдаю, как они перебирают местоимения. Переглядываются, взглядом умоляя друг друга придумать отмазку. Как только эти двое лжецов не пропали в лагере шахидов?

— Мы еще не сообщили родным Тарика, что поженились, — выпаливает первое, что приходит в голову, Аврора.

«Неправильный ответ, непродуманный», — мысленно усмехаюсь.

— Сейчас как раз самое время познакомиться. Как честный мужчина, он просто обязан представить тебя своей семье, — интересно, долго они еще будут изворачиваться и врать? — Думаю, они будут рады новой невестке.

— Не будут. Тарик... его родные хотели, чтобы он женился на другой, — начинает еще больше нервничать, ее красивые глаза так и бегают в прорези никаба.

— Аврора, может, хватит врать? — перехожу на русский немного раздраженно и устало. — Ты ему такая же жена, как я тебе муж, — хватило совести отвести глаза. — Я не могу покинуть город без раненых, — обращаюсь к сирийцу. В отношении него у меня много вопросов, но без помощи Тарика нам отсюда не выбраться.

— Я без Юры никуда не уйду, — упрямством горят глаза

Авроры. Она, видимо, не поняла, что прогоняют только нас. — Вы не можете с ним так поступить! Ты сам сказал, что он в тяжелом состоянии, ему нужно лечение, — надрывно, готовая расплакаться в любой момент. Все-таки она молодец, боец. Долго держалась. — Вы должны его спасти, Тарик! Он не заслуживает смерти.

Я отмечаю тепло и беспокойство в ее голосе. Отметаю неприятный укол в сердце. Что она нашла в Каручаеве?

— Аврора, его нельзя никуда транспортировать, — выходит из себя этот липовый муж. — Раненые останутся здесь. Вы с Мироном будете жить в другом доме в целях нашей и вашей безопасности. За это время я попытаюсь связаться с русским командованием, чтобы вас отсюда вытащили.

— Я не смогу видеть Юру? — никак не уgomонится Аврора. Ее беспокойство понятно, она переживает за любимого человека. Мне бы тоже нужно о нем беспокоиться, задача вытащить Каручаева отсюда живым еще не выполнена.

— Я буду сообщать тебе о его состоянии, — повышает голос Тарик, но сникает под моим взглядом.

— Как сегодня? Шесть часов тишины! Я буду находиться вдалеке, буду сходить с ума. Тебе врач запретил вставать!

— Я дам тебе телефон.

А вот сейчас переругиваются, как настоящая семейная пара. Утомительная и бесполезная беседа.

— Звонить будешь каждые два часа, — грозит пальцем Аврора.

— Хорошо, — на его лице облегчение.

Упоминание о телефоне возвращает меня к нужным мыслям. Все-таки сказывается усталость. Мне нужно зарядить свой телефон, может, удастся попробовать связаться с ребятами?

— У нас нет с собой денег, вряд ли мы получим бесплатно продукты или гуманитарную помощь, — обращаюсь к Тарику. Пока нас отсюда не выпроводили, нужно решить вопрос с продовольствием. — Не забудь про средства гигиены, — напоминаю, когда он согласно кивает. Очень быстро хотят от нас избавиться.

— Все будет, — Тарик бросает взгляд на поднос. — Вы пока поешьте, а я все организую.

— Пошли людей на поиски двух военных. Они истощены, далеко уйти не смогут. Периметр ты приблизительно знаешь.

— Я поговорю с дядей, — кивает Тарик и уходит.

— Мне так стыдно, я совсем забыла, что Олег и Виталий...

— Ешь садись, — перебиваю Аврору. В ее переживании нет смысла. Не видно ее лица, но уверен, что бледная и невыспавшаяся. — Неизвестно, что твой друг нам соберет нам в дорогу.

Видимо, мы очень сильно мешали, потому что через полчаса все было готово, чтобы мы убрались из особняка Исама. Загрузили целый багажник еды, вещей. Оружие я сам сложил.

Как только тронулись, Аврора почти сразу начала клевать носом, но подремать не дали, через двадцать минут были на месте.

— Это ваш дом, — несмотря на протест дяди, Тарик поехал с нами. Видимо, у этого жука есть все-таки немного совести или он действительно хорошо относится к Авроре.

Глава 24

Аврора

— Ты обиделась? — спросил Тарик, прежде чем я вышла из машины.

— Нет, — бросив сухо, последовала за Мироном. Мне было все равно, что за дом нам предоставят, все мысли и чувства остались в другом месте. Юрка ходит по краю — между жизнью и смертью, я должна быть рядом с ним. Держать его за руку и умолять, чтобы он продолжал бороться. Он просто обязан жить...

— Этот дом принадлежит другому моему дяде, он с семьей уехал из Сирии до войны. В доме есть все необходимые удобства, — произносит Тарик, пока Багиров с одним из охранников достает из багажника рюкзаки и оружие.

Дом как дом. Таких в Сирии полно: крыша, двери, окна...

Еще два дня назад я была бы счастлива оказаться в таком тихом, почти безлюдном месте, вдали от лагеря джихадистов, а теперь готова была ночевать у ворот особняка Исама, лишь бы находиться ближе к брату. Тяжело осознавать, что он совсем один в какой-то подпольной операционной, где нет ни одного человека, который может подбодрить на родном языке. А если он придет в себя и будет меня звать? Сирийцы даже не поймут, что он говорит.

— Мне не нравится, что вы только вдвоем будете здесь

жить, но выбора нет, — негромко произнеся это, виновато смотрит на меня Тарик.

Не сразу получается сообразить, о чем идет речь, а когда доходит, злость поднимается новой волной. Надень на меня паранджу, кто бы из гостей Иссама догадался, что я новый человек в его доме? Глотаю упреки, потому что все равно ничего не изменю, нас попросили за ворота, спасибо, что не на улицу выставили и за братом присмотрят.

— Аврора, если он что-то себе позволит, ты мне сразу звони, — шепчет Тарик, косясь на Мирона. Я замечаю, как кривится уголок губ Севера, он слышал последние слова Тарика. И явно насмехается. Всем своим уверенным спокойным видом дает понять, что тот просто болтает для красного словца. Какой из Тарика защитник?

— Все будет в порядке, — сухо бросаю, направляясь в дом за охранником.

— Здесь практически никто не живет, вы не будете привлекать внимания, но лишний раз днем во двор лучше не выходить, — инструктирует охранник — высокий бородатый мужчина средник лет с темными, как ночь, глазами. Он свободно говорит на английском. — В нескольких кварталах отсюда живут семьи некоторых командиров ИГИЛа, а слухи быстро расходятся, будьте осторожны, — внимаю предупреждениям, буду как можно осмотрительнее.

Дом небольшой, но вполне уютный. Четыре спальни, два санузла, кухня и гостиная. Убিরались здесь, видимо, давно,

кругом толстый слой пыли. В ближайшие часы мне будет чем заняться, отвлекусь от тяжелых мыслей. Хорошо, что мягкую мебель накрыли, а то обивка впитала бы в себя пыль.

— Аврора... — начинает Тарик, когда мы остаемся одни. Охранник и Север выходят. — Я не мог оспорить решение дяди, но я обещаю присмотреть за твоим братом.

— Все нормально, Тарик, тебе нужно возвращаться. Дядя будет недоволен, что ты нарушаешь постельный режим, — обрываю никому не нужные раскаяния. Провожу по столу пальцами, рисую на поверхности узоры, не глядя на него. Тарик еще какое-то время мнется за моей спиной, но, когда он уходит, я чувствую облегчение.

Я не знаю, где ходит Север, и не иду его искать. Машина отъехала от дома несколько минут назад. Меня больше волнует уборка в доме, нам придется провести здесь какое-то время, а жить в таком рассаднике пыли опасно для здоровья. Отыскав швабру, веник, совок и ведро с тряпками, приступаю к уборке. Сначала снимаю чехлы с мебели и принимаюсь протирать от пыли все поверхности. В голове прокручиваю поведение Тарика. Наверное, я просто злюсь, отсюда и разочарование, но он заметно сдулся на фоне Мирона. Если у меня и была какая-то симпатия к сирийцу, то она лопнула, как мыльный пузырь. Рядом хочется иметь сильного и надежного мужчину. И одного такого я давно знаю.

Уверенные, но на удивление тихие шаги Мирона раздаются за моей спиной. Выжав тряпку над ведром, выпрямляюсь.

Присутствует ощущение, что он паялился на мой зад, но вместо возмущения по телу растекается жар.

Молча подходит и разворачивает к себе лицом. Глядя в глаза, решительно подхватывает края никаба и тянет вверх. Здесь некому его остановить, да и нет смысла, Север предупредил, что надевать я его буду только для маскировки.

Сердце пропускает несколько ударов, к лицу приливает жар, когда он отбрасывает никаб, словно тряпку, в сторону и смотрит в открытое лицо. Его взгляд темнеет, зрачки увеличиваются, заполняя радужку. Ощущение, что он впитывает в себя каждую черточку моего лица, запоминает. А еще он не скрывает восхищения, ему нравится то, что он видит. Женская сущность ликует. Такой его взгляд дорогого стоит. Я знаю, что привлекательна. Но Север – это особая для меня вершина, которую я всегда мечтала покорить. Он поднимает руку, обводит подушечкой большого пальца скулу, подбородок, вызывая в теле фейерверк эмоций. Можно кончить только от его взгляда, нервного подергивания крыльев носа.

— У меня есть четкое ощущение, что мы с тобой знакомы, ответ лежит на поверхности, но я не могу сложить, что-то очень очевидное. Видимо, не в ту сторону думаю...

Глава 25

Аврора

Я догадываюсь, почему Багиров никак не сложит картинку в своей голове. Дома меня с рождения называли Ава, многие до сих пор считают, что это английская версия имени Ева. Не все друзья и знакомые знают, что это ласкательное имя дала мне мама, а к трем годам оно так плотно прицепилось ко мне, что редко кто называл меня Авророй. Папа – когда злился. Юрка, после того как мы оказались в Сирии, где-то вычитал, что, изменяя имя, мы меняем судьбу человека. Аврора несет сильную энергетику, в отличие от Авы.

Время словно остановилось. От легкого поглаживания по телу пробегают искры. Задумчиво глядя на меня, Север не перестает очерчивать скулу, добирается до губы, проходится по нижнему краю. У меня голова становится какая-то пьяная, дыхание сбивается. Его зрачок растекается по радужке, оставляет ощущение темнеющего взгляда.

Сердце бешено стучит в груди, я словно обнаженная перед ним стою. Задевая подушечкой большого пальца губы, он поднимает взгляд, чтобы увидеть реакцию.

— Если вспомнишь, сообщи, а сейчас мне нужно вымыть полы, — разбиваю весь романтический настрой, но это к лучшему, потому что в противном случае уже сегодня мы будем ночевать в одной постели. Я и так была в шаге от того,

чтобы не облизнуть пересохшие губы вместе с его застывшим пальцем на них. Делаю шаг в сторону, оглядываюсь в поисках хоть какой-нибудь тряпки, чтобы занять руки. Тайком облизываю пересохшие губы, на них до сих пор хранится тепло его прикосновений.

Север не отходит, наблюдает за моими нервными действиями, чуть хмуря брови. Какие выводы в данный момент рождаются в его голове, хотелось бы мне знать.

— Я в душ, — произносит Север, направляясь к рюкзакам.

Работая шваброй, украдкой наблюдаю за Мироном. Он аккуратно достает вещи из рюкзака поменьше. Там есть и женская традиционная одежда, и мужская.

И чего я так испугалась его поцелуя? Не в первый же раз мужчина лезет ко мне целоваться, раньше я так не шарахалась. Сама себе отвечаю, что раньше меня такие мужчины и не целовали. А я, видимо, так и не утратила своей влюбленности в старшего Багирова. С годами он стал еще привлекательнее, по крайней мере, мне так кажется. Мужчина до кончиков ногтей. Отдавшись ему, я потом всех буду мерить под него. Останусь старой девой, ведь не найду второго такого.

Думать о том, что у нас с Севером может что-то получиться — смешно. Как только он узнает, чья я дочь, тут же от меня открестится. Лучше не давать своей влюбленности развития, потом будет больно и одиноко.

Несмотря на голос разума, я думаю о том, какой он в по-

стели. От этих мыслей жар притекает к лицу, от порывистых быстрых движений струйка пота стекает по спине. Я сейчас сгорю. Нужно включить кондиционер! Но вместо того, чтобы искать пульт, я продолжаю натирать полы, прислушиваясь к шуму воды в ванной комнате.

Почему-то о том, что я тоже хочу в душ, я сейчас не думаю. Перед глазами спортивное тело Мирона. Вот он намыливается... включает душ, и струи воды...

Обмахиваюсь журналом, прихваченным с полки. Противопоказаны мне такие мысли. Вот зачем он ласкал мою губу, разворошил спящую до сих пор озабоченную сущность?!

Гостиную убрала, остались спальни и кухня...

— Дай сюда тряпку, — так неожиданно за спиной появился Север, что я вздрогнула. Забрав из ослабевших пальцев махровый кусок ткани, отбросил его, точно попав в ведро с чистой водой. — Иди в душ, потом ложись отдохни, уборка никуда не убежит, — твердым решительным тоном, каким привык отдавать приказы. Меня смущает его присутствие за спиной. В нос бьет запах свежести и цветочного мыла. Хочу отодвинуться, но ноги словно приросли к полу.

— Надо успеть убрать хотя бы две спальни и кухню, — не очень убедительно, маячившая на горизонте перспектива принять прохладный душ убивает любое желание продолжать заниматься уборкой.

— Тебе нужно хотя бы несколько часов поспать, — не терпящим возражения голосом.

— Тебе тоже, а диван только один.

— Зато кресел несколько, и они раскладываются, — я удивленно обвожу взглядом гостиную, я и не думала, что кресла раскладываются. Как можно подмечать все детали?

— Хорошо, — соглашаюсь. Я действительно валюсь с ног, поспать несколько часов мне жизненно необходимо. Пока Север включает кондеры, я в рюкзаке ищу чистую одежду, которую успела прихватить с собой, когда мы бежали из лагеря. Из рук выпадает почти новый комплект черного белья, успеваю подхватить трусы, а лифчик падает на только что вымытый пол. Как назло, именно в этот момент возвращается Север и первым оказывается у бюстгальтера. Поднимает, передает, глядя мне в глаза, а сам будто представляет меня в нем. Ничего не произносит, но заставляет мой пульс учащенно биться...

Глава 26

Аврора

Будит меня Север, под его весом продавливается диван, на котором я уснула. В недолгом споре – кому спать на кресле, а кому на диване – выиграл Мирон. Для его габаритов диван был бы в самый раз, но он и слушать не стал, лег на кресло, развернувшись ко мне спиной. Когда я вышла из душа, он спал.

Не открываю глаз. Хочется еще немного побыть между явью и сном. Чувствую, что он смотрит на меня. Сердце ускоряет ритм. Наверное, я заспанная и некрасивая, а он разглядывает. Ощущаю, как Север осторожно убирает прядь волос с моего лица, заправляя за ухо. По телу проходит дрожь, но я продолжаю притворяться спящей.

— Аврора, просыпайся, я поесть приготовил, — разрушает волшебный момент между нами. Никогда у меня не было эмоций, от которых так жгло в груди. Столько парней кружили возле меня! Цветы, дорогие подарки, признания, цветистые комплименты от поклонников постарше, поцелуи, ласки...

А тут легкое, едва ощутимое прикосновение и взгляд, который я даже не видела, а ощущение, что парю над землей. С ним хочется всего, но так страшно, будто нужно совершить прыжок с парашютом, а ты до фобии боишься высоты.

— Сам приготовил? — разлепляю веки. Мирон свеж и бодр, хотя поспал всего несколько часов за последние двое суток.

— Прислугу нанял, пока ты спала, — иронизирует он, поднимаясь с дивана.

Да, глупый был вопрос, но после такого пробуждения ничего лучше в голову не пришло. Конечно, он готовил сам. И пахнет достаточно вкусно. Заправив диван, топаю на кухню. Моя челюсть падает на пол, когда вижу чистые поверхности. Ни Юрка, ни отец ни за что не стали бы убираться. Хотя у каждого за спиной военное училище, наряды, дисциплина и прививание порядка.

— Чисто, — не могу сдержать восхищения.

— На грязной кухне я бы сам есть не стал, — никак не реагируя на мое восхищение. — Хотя мой желудок натренирован, я обучен выживать в любых условиях, а ты можешь заболеть: пыль, жара...

Юрка с отцом сидели бы голодными, ждали, когда я проснусь. Хотя нет, Юрка бы приготовил: поджарил сосиски и яичницу – коронное блюдо, единственное, что он умеет готовить. Испачкав кухню еще больше, он самоустранился бы, оставив бардак мне или прислуге.

Еда обычная – макароны и тушеная говядина с зеленью. Желудок предательски урчит, когда сажусь за стол.

— Вместо вина у нас компот, — достает из холодильника графин. — Нам целую упаковку пакетированных порошков

прислали, давай попробуем, — разливая по стаканам.

Я не стала говорить, что терпеть их не могу. Пробовала несколько вкусов различных фирм, не заценила ни один. Обычно эти порошки приходят с гуманитарными грузами.

— Никто из дома Иссама не приезжал? Нет новостей о Юре? — накалывая макароны на вилку. М-м-м... вкусно, но радости мне это не приносит.

— Не приезжали и не звонили, — стоит подумать, что мой брат сейчас борется за свою жизнь, и аппетит пропадает. — Ты ведь можешь сама позвонить Тарику, — будто догадавшись, что меня беспокоит. — В этой части города не очень хорошая связь, мой телефон не ловит, я пробовал выйти на своих ребят, — спокойным тоном, но на скулах дернулись желваки, которые не помогла скрыть отросшая за последние дни щетина.

— Можешь позвонить с телефона, который мне дал Тарик, — закусив губу. Мне бы тоже не помешало позвонить своим друзьям, они наверняка волнуются. Еще хуже, если они уже вернулись в Россию.

— Телефон может прослушиваться. Дядя твоего Тарика — непростой человек. Можно считать, что Каручаев в данный момент у него в заложниках, и как только Иссам поймет, что Юрка — генеральский сынок, он начнет грязно спекулировать на этом.

— И что мы будем делать? — обеспокоенно. Отложив в сторону вилку, машинально отхлебнула из стакана компот.

В холодном виде его можно употреблять, но вкусным этот напиток не назовешь.

— Ты будешь ждать новостей от Тарика, а я буду искать возможность нам всем выбраться отсюда живыми. Когда будешь разговаривать со своим другом, спроси про Олега и Виталия, нашли они их или нет?

Дальше мы едим молча. Каждый думает о своем. Север, наверное, строит план по нашему спасению, а я думаю о Юрке. Тарик знает, что Юрка мой брат, я не могу вспомнить, упоминала ли я когда-нибудь, что мой отец генерал российской армии. Я не могу признаться Мирону, что, возможно, это никакая не тайна.

— Ты готовил, а я мою посуду, — подхватываю грязные тарелки со стола и спешу к раковине. В этот момент Север поднимается из-за стола, мы с ним сталкиваемся, и тарелки выпадают из моих рук.

— Стой на месте, — хватает меня за талию и прижимает к себе, не позволяет кинуться собирать осколки. — Порежьесь...

Глава 27

Север

Замерев в моих объятиях, Аврора теснее прижалась ко мне. Порыв абсолютно необдуманный, инстинктивный – означающий доверие. Вызывая своим невинным действием тяжесть в паху, она не спешила отстраниться. Аврора и так живое искушение для меня, а тут...

Своим решением – поселить нас вместе – Тарик передал свою любовницу мне. Что бы он там ни говорил и ни планировал, обратно Аврору не получит. Я и без этой ситуации планировал сделать ее своей, а тут все козыри у меня на руках.

Мое тело откликалось, стоило подумать о ней. Не помню, чтобы моя кровь так закипала от желания обладать женщиной. Если только в то время, когда я только познавал разницу между своим кулаком и мягким телом подо мной, что было почти двадцать лет назад.

Пока она была в душе, я выдержал очередной бой с собой. Мои руки должны гладить ее обнаженное тело, целовать каждый участок кожи. Дикое желание ворваться в нее и заставить стонать подо мной выжигало мозг. После таких картин хрен уснешь. Дождался, когда ее дыхание выровняется, а потом отправился во двор отжиматься. Облившись холодной водой прямо под краном, занялся готовкой, но сначала

привел рабочую зону в порядок.

Приготовить и убраться – привычка с детства. Отец не позволял своей любимой женщине – нашей маме – выполнять все обязанности по дому. Он заботился о ней и берег всю жизнь. Даже в командировках, когда не было сотовой связи, он находил возможность для редких звонков, где предупреждал нас с Яром, что комнаты мы убираем сами, стираем трусы и носки каждый вечер после душа. К порядку нас приучал.

Теперь я понимаю желание отца беречь свою женщину. Хотя Аврора не была моей женщиной, видя усталость и темные круги под глазами, я готов был насильно уложить ее спать. Проснувшееся чувство – заботиться и оберегать женщину – я испытывал впервые. Обычно секс, редкие совместные завтраки или ужины в ресторане.

Руки начинают блуждать по ее телу. Не нащупываю лямок бюстгалтера. Широкое бесформенное платье, которое прячет ее фигуру, надето на обнаженное тело. Обхватить ее тонкую талию я могу двумя руками. Хрупкая...

Стройная...

Манящая...

Мое наваждение...

Заразила безумием одним своим колдовским взглядом. Аврора правильно делала, что прятала свою внешность. С такими данными она могла попасть в большие неприятности. Хоть что-то ее дружок сделал правильно.

Теперь я знаю каждую черточку и родинку на ее лице, рассмотрел, пока она спала. Знаю, какая у нее нежная кожа лица, пухлые губы и красивые волосы, в которые хочется зарываться лицом в тот момент, когда я буду глубоко в ней...

Губы касаются нежной кожи щеки. Она не отшатывается, тихо вздыхая, откидывает голову назад, открывая доступ к шее и губам.

Хочу попробовать, какие они на вкус...

В этот момент я могу перестать гордиться своим холодным разумом в любой ситуации. Не получается устоять. Припадаю к ее рту, ласкаю податливые губы. Обвожу кончиком языка полураскрытый рот, пользуясь приглашением, вторгаюсь на ее территорию. Сначала несмело отвечает, но с каждой секундой она все яростнее вступает своим языком в бой. Стараюсь не сильно сжимать ее в объятиях, хотя контроль утерян, и, возможно, на ее теле останутся следы. Скрип стекла под подошвой военного ботинка немного отрезвляет. Я был в шаге от того, чтобы сорвать с Авроры платье.

— Иди в комнату, — заставляю себя убрать от желанного тела руки. Непонимающе хлопает глазами. У нее охрентельные глаза. Нереальные. Я просто в плен попал, один раз заглянув в них.

Блин, она взрослая девочка, должна понимать, что произойдет дальше, если сейчас не уберется. Так невинно смотрит. Врубается ведь, что я на грани! Должна чувствовать! Не девственница ведь. Я хочу ее получить, но где-то внутри ин-

туиция подсказывает, что не стоит торопить события.

Долго мы не сможем держать дистанцию, я чувствую ее отклик и не вижу преград, почему мы не можем заняться сексом, но обычно я слушаю свое чутье, а оно подсказывает сбавить обороты. Упускаю я из виду что-то важное. Нужно отдохнуть и поразмыслить...

Аврора стоит, не уходит, а мне с каждой секундой все сложнее удерживать свое желание на поводке самоконтроля. Мы взрослые люди с опытом за плечами, можем легко получить сексуальную разрядку, но что-то в Авроре заставляет меня притормозить, не спешить.

Хотя именно с ней хочется без тормозов, несколько раз подряд, пока она не выдохнется, но и потом не выпускать ее из объятий всю ночь.

В моей жизни были женщины, с которыми приятно было засыпать. На серьезные затяжные отношения времени никогда не хватало. Несколько раз пробовал, но быстро уставал от претензий, а с моей работой и частыми командировками их не могло не быть. Женщины хотят постоянного внимания, заботы. Не всякая решится терпеливо и верно ждать, каждый раз не зная, дождется или нет. Я не осуждаю, но хотелось бы чего-то настоящего...

Аврора аккуратно разгребает босой ногой осколки, освобождает место, чтобы сделать шаг. Не могу отпустить. Подхватываю ее на руки и усаживаю на стол...

Глава 28

Север

— Беспечная девчонка! — теряю хладнокровие, когда подхватываю ее на руки. Могла ведь порезаться! В такую жару любая рана будет плохо заживать.

Аврора и не думает сопротивляться, льнет ко мне, не осознавая, что мой хваленый железный самоконтроль трещит по швам. А может, наоборот, осознавая и провоцируя продолжение, раз я морожусь?

Край платья остается под ней, обнажая ногу до середины бедра. Пока

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.